

Марина
СЕРОВА

Клан беженых

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Мисс Робин Гуд

Марина Серова

Клан бешеных

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Клан бешеных / М. С. Серова — «Эксмо», 2015 — (Мисс Робин Гуд)

ISBN 978-5-699-82158-7

Молодого поэта Григория Буйковского обвинили в убийстве Полины Зайцевой – тихой, порядочной девушки, с которой парень даже не был знаком. Григорий якобы сбил ее на своем автомобиле и скрылся с места происшествия. Поскольку Буйковский был личностью весьма известной, на его защиту встал почти весь город, а журналист Антон Ярцев попросил свою подругу, Полину Казакову, известную в городе как Мисс Робин Гуд, найти настоящего убийцу. Казалось, что Казаковой не придется тратить много сил для раскрытия дела, однако из протокола таинственным образом исчезла важная информация, а запись дорожной видеокамеры недвусмысленно указывала на вину поэта...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82158-7

© Серова М. С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Серова

Клан бешеных

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Я – поэт, зовусь я Гришка.
От меня вам эта книжка!*

Глава 1

– А это кто? Устинова? Так, так... Что-то новенькое... У тебя такой нет? Тогда, пожалуй, я это возьму... А это у нас кто? Донцова? Ага, это я тоже не читала. Донцову я тоже люблю. Значит, берем... А вон ту желтую книжечку подай, пожалуйста... Ну-ка, кто это? А, Буйковский! Нет, ну, ты смотри, какой он взял эпиграф: «Я – поэт, зовусь я Гришка. От меня вам эта книжка!» Оригинально, правда, Полин?

Мы с подругой Алиной уже целый час торчали в магазине «Книжная лавка». Я давно выбрала себе роман и теперь терпеливо ждала, пока Нечаева стрегет с полок все новинки, пользуясь тем, что цены в этом магазине очень заманчивые.

– Буйковский – это кто? – спросила я автоматически, листая очередную новинку.

Подруга вытаращила на меня свои большие голубые глаза и удивленно захлопала густо накрашенными ресницами:

– Полин, ты что, из глухой тайги приехала?! Гриша Буйковский – местное юное дарование, поэт! Он, правда, в основном для рэперов пишет, но есть что почитать и нормальным людям. Вот я однажды была на его авторском вечере. Это было что-то!..

Алина Нечаева занимала «должность» моей лучшей подруги еще с детского сада. Она была суперобщительна и сверхактивна. Ее энергии с лихвой хватило бы на добрую половину девушек нашего Горовска. Она постоянно записывалась во всевозможные организации и движения, протестующие против разнообразных несправедливостей нашей суровой реальности, а также была в курсе всех культпросветмероприятий нашей городской тусовки. Природа наделила мою подругу очень красивыми чертами лица – огромными выразительными глазами, аккуратненьким, чуть вздернутым носиком, пухлыми губками. Она была воплощением того женского типажа, который нравится всем мужчинам без исключения.

– Слушай, Алина, давай ты мне про своего Буйновского потом расскажешь. Мы тут, как в музее, уже целый час ходим, и, если тебя не остановить, ты половину ассортимента скупишь.

– Не Буйновского, а Буйковского, – поправила меня подруга. – Эх, я бы еще кое-что из фантастики посмотрела...

– Ты у меня сама – ходячая фантастика. Пойдем, а то все деньги здесь оставишь, – предупредила я.

– При таких-то ценах?! Да брось ты! Я потому и ныряю сюда постоянно, что здесь все очень даже дешево, и при этом ассортимент большой. Хотя, ладно, я и так на полгода себя чтением обеспечила. Пошли к кассе. Где тут у меня кошелек?..

Когда мы с Нечаевой вышли из магазина – я со своим романом, она – с целым пакетом книг, мы сели в мой «Мини-Купер», терпеливо ожидавший нас на ближайшей стоянке.

– Слушай, поедem куда-нибудь перекусим, – предложила Алина, – а то у меня прямо в животе урчит.

Я кивнула и вставила ключ в замок зажигания:

– Идея принимается. Здесь, буквально в двух кварталах, есть очень приличная кофейня «Запад-Восток»...

Вскоре мы с Нечаевой сидели в уютном зале. Здесь был стильный современный интерьер, играла музыка в стиле легкий хаус и блюз. Мы заказали тирамису, сок и эспрессо и теперь наслаждались их божественным вкусом и трещали обо всем, что только приходило в голову.

– Так ты что, правда ничего не слышала о Буйковском? – спросила Алина, вспомнив наш недавний разговор в «Книжной лавке».

– Наверное, ты будешь удивлена, – ответила я, – но, честное слово, ничего не слышала даже краем уха. А ты откуда о нем знаешь?

Нечаева пожала плечиком:

– Да так... Познакомили нас на одной тусовке на вечере художников и скульпторов. Кстати, познакомили Витьки.

– Какие Витьки? – удивилась я.

– Полин, да ты что?! – возмутилась подруга. – Из тундры сюда приехала?! Витьки – это Витя Шило и Витя Мыло. Их так все зовут. Ну, Шилова ты знаешь, я вас давно познакомила, а его друг Мыльников по кличке Мыло – художник и скульптор. Кстати, их общий друг – директор выставочного зала Микола Бобусь, уж о нем-то ты, надеюсь, слышала? (Я на всякий случай кивнула головой, боясь, как бы меня не посчитали прибывшей с какого-нибудь полуострова Таймыр. На самом деле ни про какого Бобуса я тоже слухом не слыхивала.) Так вот, Буйковский сочинил про них троих такой памфлет:

Жили у Бобуса два веселых гуся:

Один Шило, другой Мыло, два веселых гуся!

Алина рассмеялась, а я удивилась про себя, при чем тут памфлет, но состорожничала и вслух ничего не сказала, только выразила свое отношение к «произведению» какого-то там Буйковского неопределенным восклицанием: «Мм!»

– Скажи, прикольно пишет? – продолжала докапываться до меня подруга.

– Скорее уж переписывает заново русский народный фольклор.

– Да у него и свои произведения есть, – вступилась Нечаева за нашего доморощенного поэта.

– Охотно верю, – кивнула я, чтобы прекратить наконец этот разговор про человека, которого я в глаза не видела и который был мне ну абсолютно безразличен.

– Ой, Полин, чуть не забыла!.. – Нечаева торопливо отхлебнула глоток кофе. – Знаешь, я тут недавно познакомилась с одним молодым человеком... Все бы ничего, он, кажется, даже при деньгах, только, знаешь, он какой-то деспотичный. Любит указывать, что мне делать, как себя вести, как одеваться, как наносить косметику и наносить ли ее вообще... А еще любит сам решать, когда он придет ко мне и во сколько, а я в этот торжественный момент должна быть дома при параде и встречать его, как заморского гостя. Как ты думаешь, это нормально?

– Нет. Это очень ненормально, – отрезала я, удивляясь про себя, как резко сменила тему Алина.

Появление у подруги нового бойфренда не было для меня такой уж большой неожиданностью: Алина постоянно меняла кавалеров, практически каждый месяц. И почти все они ей не подходили, ну, разве кроме тех, которые сбегали от нее сами.

– Тогда, пожалуй, я его брошу, – задумчиво сказала Нечаева, глядя куда-то в угол и дожевывая последний кусок пирожного, – терпеть не могу над собой никакого контроля, а уж тем более – насилия.

– И правильно сделаешь, – поддержала я подругу. – От всяких придурков лучше держаться подальше.

– Думаешь?

Я кивнула.

– Тогда точно брошу! Вот прямо сейчас! – Алина решительно достала из сумки мобильник и набрала какой-то номер. – Петр, это я... Где нахожусь? В кафе... В хорошем кафе... Как с кем? С подругой, разумеется... А с чего это я буду тебе что-то доказывать?... Нормально я с тобой разговариваю, понял?... Знаешь, что, дорогой? Я не собираюсь тебе докладывать, где я, с кем и что делаю! Я тебе вообще не за этим звоню... А затем! Я звоню сказать тебе, что между нами все кончено... А вот так!.. Да, вот так!.. Ага, щазз, разбежалась!.. А это потому, дорогой, что не надо было мной командовать, указывать, что мне делать... Нет, ты командовал!..

Нет, ты указывал!.. Короче, все, Петюня, наш конструктивный диалог окончен. Забирай свои игрушки и не писай в мой горшок!.. «Что, что»!.. Говорю: забудь дорогу к моему дому, козел!.. Ты что, угрожаешь мне, урод?! Да у меня брат в ментуре... да у меня весь убойный отдел... и ОМОН... Да пошел ты!!!

Нечаева с чувством швырнула мобильник в свою безразмерную сумку. Я огляделась: люди за столиками вокруг нас с интересом посматривали в нашу сторону.

– Алина, ты что?! – зашипела я. – Все-таки здесь приличное заведение, нас же могут и попросить...

– Я сама могу кого хочешь попросить! – отрезала Алина, правда, уже не так грозно, как раньше.

Она отодвинула от себя пустую чашку и принялась потягивать сок через соломинку.

– Нет, ну ты молодец! – выразила я свое восхищение подруге. – В минуту разобралась с этим уродом.

– Будет он еще указывать, как мне жить! Да кто он такой?! И еще угрожает, представляешь?!..

– Гад, – выразила я свою женскую солидарность.

– Еще какой! Вот только пусть теперь попробует позвонить мне!..

Через несколько минут мы с Нечаевой вышли из кофейни.

– Куда бы еще навести лыжи?

Проблема свободного времени у нас с Алиной действительно имела: поскольку мы обе давно не работали, вопрос «чем бы еще заняться» возникал у нас частенько. Подруга, как я уже сказала, решала его, записываясь во всевозможные общественные организации и движения, стояла в пикетах, протестующих против вырубки леса где-нибудь под Нижним Тагилом, или посещала различные женские курсы типа «Как захомутать миллионера».

Я же, в свое время оставив почетную должность юрисконсульта кирпичного завода, занялась тем, что помогала обратившимся ко мне людям, попавшим в беду, которым официально ни полиция, ни прокуратура помочь не могли. Или не считали нужным. Удостоверившись в правдивости предоставленных ими сведений, я бралась наказывать их обидчиков, сумевших уйти от заслуженного наказания. За такую деятельность я получила весьма лестное звание Мисс Робин Гуд.

В то время, когда никакого «дела» у меня не было, я целыми днями сидела с книжкой в кресле возле камина и предавалась блаженным мечтам, читая о «большой и чистой любви», неожиданно свалившейся на голову какой-нибудь героине. Мою подругу Алину такое пустое, по ее мнению, времяпровождение выводило из себя, и она жутко пилила меня за это и пыталась записать в ту общественную организацию, в которой на данный момент состояла сама, или поставить меня в пикет против безобразия, типа того, что «тигру в зоопарке не докладывают мяса». Я, как могла, аккуратно открещивалась от такой деятельности: мало того что надо было торчать на улицах города с лозунгами в руках и периодически скандировать то, что было на них написано, но еще и необходимо было платить членские взносы.

– Куда бы еще навести лыжи?

Я посмотрела на Алину удивленно:

– Ты еще спрашиваешь, чем заняться? Ты же купила десяток книг, иди домой и читай их, наслаждайся!

– Книги я буду читать перед сном или в ванной, лежа в морской воде с ароматическими маслами. Вот тогда ими можно действительно насладиться. А световой день надо использовать более продуктивно... О! Полина, смотри!..

Я перевела взгляд туда, куда указывала Алинина рука, и увидела круглую тумбу, всю оклеенную афишами. На одной из них было написано крупными буквами:

ПРИГЛАШАЕМ НА ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР МОЛОДОГО ГОРОВСКОГО ПОЭТА Г. БУЙКОВСКОГО, КОТОРЫЙ СОСТОИТСЯ В ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА...

Далее шли число и время.

Алина посмотрела на часы:

– Сегодня. И время подходящее – двадцать ноль-ноль. Ну, что, пойдём? Местная тусовка будет в полном составе...

– А стоит ли?

Я не особо рвалась проводить вечер с местной тусовкой. Но Алина начала уверять меня, что будет «жутко интересно», что я «умру от восторга» и так далее. Умирать я считала для себя преждевременным, даже от восторга, но как ещё можно было скоротать длинный летний вечерок? Да и цена вопроса была чисто символической.

Договорившись с Нечаевой встретиться без четверти восемь на крыльце Дома творчества, я направилась к своей машине. Билеты подруга обещала достать сама, и я решила пока съездить домой, приготовить Арише обед. Сегодня весь день с самого утра меня не было дома, и я боялась, что он может просто погибнуть от голода, а допустить этого я никак не могла.

Ариша – это мой дед, Аристарх Владиленович Казаков, папа моего папы. Четырнадцать лет назад мои родители погибли по вине пьяного прокурора, сумевшего тогда выйти сухим из воды, а мы с Аришей ничего не смогли сделать. Доказать вину убийцы не представлялось возможным. Но, спустя почти полтора десятилетия, я сумела так отомстить прокурору и его водителю, бывшему тогда с ним, что мало им не показалось. А я сама оказалась как бы ни при чем. С тех пор лавры Робина Гуда не дают мне покоя, а пьянящее чувство мести толкает на новые подвиги.

Арише почти семьдесят, но он полон сил и энергии. Страстный любитель казино, необычайный интриган и артистичная натура. Мы живём вдвоем в большом доме в коттеджном поселке.

Четырнадцать лет назад, когда мы остались вдвоем, дед взял заботу обо мне на себя, отдал в элитную школу с углубленным изучением иностранных языков. Потом я поступила в только что открывшийся в нашем городе вуз на самый престижный юридический факультет, после чего какое-то время доблестно трудилась на благо Родины на кирпичном заводе в должности юрисконсульта.

Отомстив прокурору, в скором времени я ушла с этой «престижной» должности, так как поняла, что работать под чьим-то «чутким руководством» с восьми до пяти – не для меня. Наверное, у меня обостренное чувство справедливости, пройти равнодушно мимо преступника, избежавшего наказания, я просто не могу. Если закон оказывается бессилён, это не значит, что нет других вариантов. С тех пор я занимаюсь тем, что, как Робин Гуд, воздаю негодяям по заслугам. Конечно, мне приходится рисковать и порой даже поступать не совсем законно, но мое юридическое образование дает мне представление, как самой не угодить за решетку. Как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности, а вот их знание – как раз наоборот.

Конечно, я работаю не одна, во многом мне помогают мои друзья и близкие люди. Чего, например, стоит помощь Ариши. У деда такие связи! И не только в мире честных и законопослушных граждан.

А мой приятель журналист Антон Ярцев! Он работает в местной газете «Горовск сегодня». Надо сказать, что наши отношения с Антошей действительно приятельские,

и не более. За рамки дружеско-деловых они не выходили и вряд ли когда-нибудь выйдут. Профессия частенько обязывала его присутствовать на всевозможных молодежных тусовках или фуршетах. Иногда по его просьбе я составляла ему компанию, и ни один из нас не расценивал это как выражение особой симпатии. Я иногда обращалась к Антону со своими просьбами, и он с удовольствием на них откликался.

Еще один бесценный помощник в моих делах – Сергей Дмитриевич Курбатов, полковник ФСБ, старый друг моих родителей. Когда они погибли, дядя Сережа отчасти заменил мне отца, и все проблемы, возникающие у нас с дедом, как волшебник, решал в секунды. Конечно, по мере возможностей я старалась обходиться своими силами и не тревожить очень занятого человека пустяками, но иногда бывали моменты, когда обойтись без помощи дяди Сережи я была просто не в состоянии.

Да, как видно, за деда я волновалась напрасно: его просто не оказалось дома. Скорее всего, он пропадает у кого-нибудь из своих многочисленных приятелей. Положив на стол пакет с купленными по дороге в супермаркете продуктами, я достала из него блинчики-полуфабрикаты и поместила их в микроволновку. Остальное отправилось в холодильник дожидаться своей очереди.

Когда блинчики были готовы и микроволновка сообщила мне об этом радостным «дзыньком», я достала их и положила на тарелку. Я уже села за стол, вооружившись ножом и вилкой, когда в дверях кухни неожиданно появился сияющий Ариша.

– Бонжур, Полетт! До чего аппетитно пахнет!

– Ты вовремя, дедуля. Мой руки, блинчики остывают.

Вскоре мы с Аришей сидели за столом вдвоем и уминали за обе щеки румяные блинчики с мясом. Я включила чайник, он ворчливо закипел, создав на нашей кухне атмосферу уюта.

– Что делаешь вечером? – поинтересовался дедуля.

– Иду повышать свой интеллектуальный и культурный уровень.

Дед посмотрел на меня с недоумением:

– В каком смысле – повышать? Ты записалась на какие-то курсы, Полетт?

– Нет, просто мы с Алиной идем сегодня на творческий вечер нашего горовского поэта Буйковского. Слышал о таком?

– Нет. Зато я слышал о таком поэте, как Маяковский.

– Маяковский – это что! Буйковский пишет для рэперов, это покруче будет, чем «Кто там шагает правой?левой!левой!...».

– А о чем пишет наш доморощенный поэт?

– Честно говоря, дедуля, не знаю. Вот сегодня с Алиной посетим его творческий вечер, тогда я тебе и расскажу...

– А, так я, кажется, что-то читал в газете про этого господина... Где-то тут у меня... Я только сегодня утром...

Дед поискал на кухне и нашел на подоконнике газету, которую положил передо мной.

– Вот, просветись!

Это была небольшая заметка о молодом начинающем поэте Г. Буйковском. Я быстро пробежала ее глазами. Краткая биография: когда родился, где учился, с каких лет начал писать стихи. Оказалось, что творить мальчик Гриша начал еще в пятом классе. Писал для школьной стенной газеты. Учителя его хвалили, вот он, похоже, и вошел во вкус...

В статье приводилось одно произведение местной знаменитости. Я прочла вслух:

Не метет, не кружится,
Тишина кругом.
Сплетена, как кружево,

Дума о былом.
– Как дела? – Не жалуюсь.
– Как живешь? – Как все...
Вплетена из жалости
Ленточка в косе.
Разговор не клеится,
Значит, помолчим.
– Торопись! – Успеется!
Главное – почин...

– Дедуль, ты понимаешь, о чем тут речь? – спросила я, отбросив газету в сторону.
– Полина, в поэзии главное – не понимать, о чем речь, главное – приобщиться к искусству, – глубокомысленно заметил Ариша.
– Да? – с сомнением спросила я. – Возможно, возможно... Тогда скажи честно: тебе нравится такое... произведение искусства?
– Полетт, ты же знаешь, я – человек консервативный, я люблю классиков:

Когда одни воспоминанья
О днях безумства и страстей
Наместо славного названья
Твой друг оставит меж людей...

Дедуля даже жестикулировать начал с вилкой в руке. Я на всякий случай отодвинула подальше от него тарелку.

– Значит, я так понимаю, Буйковские вирши тебя не очень растрогали, – сделала я вывод. – Впрочем, оно и понятно: я тоже не пришла от них в восторг.

Мы доели свой нехитрый обед, я заварила чай, и по комнате поплыл аромат далекого и загадочного острова Цейлон. После чаепития Ариша сказал мне: «Мерси, мадмуазель!», поднялся в свою комнату на второй этаж и засел в свое любимое ротанговое кресло с очередной газетой в руках. Я убиралась на кухне, невольно вспоминая только что прочитанное стихотворение.

...Вплетена из жалости
Ленточка в косе...

И как, интересно, сие высказывание понимать? Если тебе кого-то жалко – заплети в косу ленточку? А если ты мужчина и косы у тебя нет? Надо сначала отрастить и потом уже вплетать? Что за чушь?!

... – Торопись! – Успеется!
Главное – почин...

Хотелось бы знать: это вообще о чем? Кто с кем разговаривает? Куда и кому надо торопиться? Что успеется? И что за почин такой? Или я просто не доросла до высокой поэзии?

Я поняла одно: меня, кажется, коробит от такой, с позволения сказать, поэзии. Что-то и на вечер этого Буйковского идти вовсе не хочется. А может, ну его, этот творческий вечер! Посижу дома с книгой, в кресле у камина, почитаю о высоких отношениях благородных людей? Где там мой новый роман?..

Едва только я прочла первую главу, как раздался телефонный звонок.

– Поль, ты готова? – Это была моя неумная подруга.

– К чему?

– Как к чему? Мы с тобой идем на творческий вечер, ты что, Казакова, забыла?

– Не забыла, – успокоила я Алину, – но у меня появилось сомнение: стоит ли туда идти.

Ты уверена, что нам так уж надо на этот вечер?

– Она еще спрашивает! – возмутилась подруга. – Собирайся без разговоров! Через час встречаемся на крыльце Дома творчества...

Через час я подъехала к Дому творчества на своем «Мини-Купере». Здесь было совсем немного машин, не более полутора десятка. «Странно, – подумала я, – обычно, когда проходят творческие вечера каких-нибудь артистов, писателей или художников, здесь просто невозможно найти место для парковки. А сейчас я свободно встала между захудалым «Москвичом» и шикарным «Лексусом». Что ж, тем лучше, хоть проблем с парковкой нет».

Алина ждала меня на крыльце. Она была в новых джинсах и голубом топике, за который были заткнуты солнечные очки. Зачем они ей, ведь на улице почти вечер? Фиолетовые босоножки на головокружительной высоты каблуках не скрывали ее пальчиков, покрытых лиловым лаком.

– Пошли скорее, через пять минут начало... – Алина взяла меня за руку и потащила ко входу.

Наши места оказались в среднем ряду. Народа в зале было не очень много, в основном молодежь – подростки, юноши и девушки лет двадцати. Они все сидели почему-то на последних рядах, одетые крикливо и просто несуразно. В первых рядах я заметила десятка два людей более солидного возраста, такого, как мы с Нечаевой, – лет под тридцать. Может, и нам надо было сесть туда? Может, здесь вообще принято возрастное разделение: более или менее солидная публика – отдельно, «зелень» – отдельно? Как мухи и котлеты...

Начало задерживали.

– Где он, твой Буйковский? – нетерпеливо спрашивала я подругу.

– Сейчас... Подожди... – отмахивалась та от меня. – Ага, вон Мыльников, тот самый – Мыло – художник и скульптор. Вон директор выставочного зала Микола Бобусь, а рядом с ним – писательница Элеонора Зозуля... А вон, смотри – твой приятель, журналист Антон Ярцев. Так, и пресса здесь... Я же говорила, вся тусовка будет...

Но вот наконец на сцену какой-то подпрыгивающей походкой подстреленного воробья вышел молодой человек, почти юноша. Он был высок и худощав. Его взъерошенные рыжие волосы торчали во все стороны так, словно он на месяц избавил их от шампуня и расчески. На нем был джинсовый костюм – брюки и безрукавка, под которой виднелся огненного цвета джемпер. На шее недоросля красовался пестрый шейный платок, на ногах – кроссовки размера детских лыж.

В зале с первых рядов раздались хлопки, с последних – свист.

– Буёк! Давай сбацай нам чё-нибудь!

– Давай, Буёк, заводи шарманку!

– Эй, Гриня! Начинай, чего выпендриваешься? – закричали с задних рядов.

Такая странная встреча поэта зрителями меня несколько обескуражила. Я не привыкла к тому, что поклонники так фамильярно встречают своего кумира. Но сам талант, похоже, вовсе не обиделся на неформальное обращение к нему зрителей. Он несколько неуклюже поклонился первым рядам, которые в отличие от последних не свистели и ничего не выкрикивали. Когда «приветствие» зрителей стихло, Буйковский встал к микрофону, попытался пригладить свою растрепанную шевелюру рукой, отчего она растрепалась еще больше прежнего, и наконец сам поздоровался с нами.

– Дорогие зрители, ребята, дорогие мои друзья и коллеги! Сегодняшний вечер я посвящаю вам, всем тем, ради кого пишу и творю. Сегодня я прочту вам свои новые стихи, а затем мы вспомним старые, любимые вами... Итак, первое стихотворение посвящается женщинам.

В зале сразу стало тихо. Молодой человек в джинсе откашлялся, несколько театрально выставил вперед правую ногу, а левую руку вскинул вверх. Он закрыл глаза и начал декламировать:

Я люблю всех женщин – маленьких, высоких.
Я люблю всех женщин – умных, недалеких.
Я люблю всех женщин – зрячих, близоруких.
Я люблю всех женщин – неумех безруких.
Я люблю всех женщин – толстых, некрасивых.
Я люблю всех женщин – черных, рыжих, сивых.
Я люблю всех женщин, верность им храня...
Почему ж не любят женщины меня?..

Когда Гриша закончил читать, он снова неуклюже поклонился. В первых рядах захлопали, а с последних раздались свист и боевой клич: «У-у-у!» Я сидела в недоумении. Алина аплодировала, а у меня появилось желание засвистеть. Впрочем, Буйковский воспринимал свист весьма своеобразно: он был им доволен и даже помахал рукой тем, кто сидел за нашими спинами.

Потом он прочитал еще несколько стихотворений на тему беззаветной любви, верной дружбы и восхищения самыми разными вещами – от заплеванной урны в парке до разрывающего ночную тишину черного байка. И опять молодежь в последних рядах радостно свистела, выла и топала ногами от восторга, а жалкая кучка солидных зрителей в первых рядах сдержанно аплодировала.

Поэт просто светился от удовольствия. Наконец он объявил, что почитает свои старые стихи на заказ. Из зала сразу кто-то крикнул:

– Гриня! Давай «Старик и горе»!

Гриня понимающе покивал головой, мол, разделяю вашу тягу к таким вещам. Он выставил вперед теперь уже левую ногу, а правую руку вскинул вверх и начал читать. Стихотворение было про бедного дедушку, который жил один в своей квартире и попивал от горя и одиночества.

...А в углу за дверью – дряхлая клюка,
Жалкая подруга деда-старика.
На столе без скатерти водочка стоит
И своей прозрачностью старика манит.

От всего этого веяло какой-то безысходностью. Хотелось плакать. Я покосилась на Алину. Та слушала, буквально открыв рот.

...И пришли риелторы, как бандит с ножом,
И остался дедушка навсегда бомжом...

Такая печальная история вышибала слезу. Спившегося старичка было, конечно, жаль, «черные» риелторы, естественно, вызывали острое чувство ненависти. Грине долго аплодировали, улюлюкали и свистели. Он кланялся, потом кто-то выкрикнул с задних рядов:

– Буёк, давай нашу! «Морда кирпичом»!

– «Морда кирпичом»! Буёк, давай «морду»!..

Гриня тут же встал в какую-то странную позу Буратино, шагающего в школу с азбукой под мышкой, и, подпрыгивая, затараторил скороговоркой:

Я хожу ни в чем, морда – кирпичом...

На задних рядах скороговорку с готовностью подхватили. За нашими спинами доносилось:

Я хожу в джинсе, радостный, как все...

– Скажи, прикольный малый? – подмигнула мне Алина, кивнув на кривляющегося на сцене Буйковского.

– Уж куда прикольней! – съязвила я. Мне лично такие речевки не нравились.

– Тебя что, не вставляет? – удивилась подруга.

– Да знаешь, что-то не очень.

Алина хмыкнула и повернулась к сцене. А Гриня уже читал на заказ какую-то новую речевку:

Гуляю я по городу в лапти обутой,
Я как Лев Толстой, и это очень круто.
Я давно не бреюсь, уже день шестой,
Скоро я буду совсем как Лев Толстой.

– Хорошо, что Лев Толстой не дожил до такого, – шепнула я Алине. – А Буйковский что себе думает – надел лапти, отрастил бороду, и нате, пожалуйста, – великий русский писатель?! Подруга прыснула.

К концу вечера я поняла одно: меня корбит от бездарных пошленьких стишков этого рыжего клоуна. Я вообще удивляюсь тому, что в местных изданиях хвалят его, с позволения сказать, «произведения». Писал бы себе для местных рэперов, а в искусство не совался. Со сцены между тем звучала очередная речевка-скороговорка:

Хорошо быть кошкой, а еще собакой:
Где хочешь, там и писай, где хочешь, там и какай.
Вырыл лапкой ямку – и садись, и какай!..
Хорошо быть кошкой, а еще собакой.

Задние ряды были от восторга.

– Это что, ностальгия по детству, когда, гуляя во дворе со сверстниками, в туалет бегали за гаражи да за кустики, лентяй подняться домой на пятый этаж? – усмехнулась я.

Алина хихикнула.

– Если бы это написал восьмилетний мальчик, я бы, пожалуй, ему даже поаплодировала, но когда такое выдает двадцатилетний юноша-переросток, тут уж – извините... А вообще, может, пойдем? – спросила я подругу, кивнув на выход.

– Ты что?! Давай дослушаем. Прикольно же!

– Прикольно? Хорошо, Алина, но учти: я сижу здесь исключительно ради тебя!

«И героически терплю это издевательство над своим тонким эстетическим вкусом», – добавила я мысленно.

В этот момент Гриня выдал со сцены нечто совсем оригинальное:

Дали б кредит – купил бы динамит,
Взорвал бы кредитора – пускай горит!

А у юного дарования, оказывается, садистские наклонности! Но на этом он не остановился:

Были бы гроши – купил бы галоши,
Ходил бы по лужам, плевал на прохожих...

– Не приведи судьба оказаться на улице рядом с господином Буйковским, когда он на прогулке! – снова шепнула я подруге. – Заплюет, как пить дать! Верблюд горовский!

– Похоже, ты не воспринимаешь его как поэта, – сделала вывод Алина.

– *Поэта?! – переспросила я и, почти не задумываясь, выдала экспромтом:*

Имел бы я штиблеты – не лез бы я в поэты.
Какой же я поэт, когда извилин нет?

Нечаева покатила от смеха, а я посмотрела на Гриню, мечущего со сцены в зал свои «перлы речевые». Еще один-два таких его «шедевра», и мне никакого героизма не хватит выси- деть вечер до конца, даже потешаясь при этом над автором.

– Может, все же пойдем? – кивнула я на выход.

– Поль, ну, давай досидим до конца, я хочу послушать, – заканючила подруга.

Но на мое счастье, эта пытка вскоре кончилась. Буйковский поклонился зрителям, зага- дочно пообещав написать «еще много чего», а те, в свою очередь, обрадованно зааплодировали и, конечно же, засвистели.

– Видишь, как все радуются? – спросила меня Алина.

– Еще бы: вечер наконец-то закончился!

– Пойду возьму у Гриши автограф...

Подруга достала из сумки желтую книжечку стихов, которую купила сегодня утром в «Книжной лавке», и стала пробираться к сцене, возле которой столпился народ. Кто-то пытался взять автограф у Буйковского, кто-то лез, чтобы поздороваться с ним, как со старым знакомым. Часть зрителей вывалилась в фойе, в их числе была и я. Решив подождать подругу в более или менее спокойной обстановке, я встала в фойе у окна.

Глава 2

И вдруг я увидела выходящего из зала Антона Ярцева. Он шагнул к дверям, на ходу убирая диктофон в карман.

– Антон!

Журналист повернул голову, нашел меня взглядом и подошел ко мне.

– Полина? Привет. А ты здесь какими судьбами?

– Такими же, какими и ты: пришла послушать нашу доморощенную знаменитость.

Ярцев усмехнулся:

– И как тебе?

– Вытерпеть можно, – кивнула я и добавила: – Правда, с трудом.

– Зато молодежь от него просто тащится, я имею в виду подростков и недорослей. Видела рэперов на задних рядах? Из них ведь тоже кое-кто пишет, точнее было бы сказать, *пописывает*. Братья по цеху!

– Ты здесь от редакции?

– А ты что думала, по зову души? – Антон усмехнулся. – Нет, меня лично такое, с позволения сказать, *искусство*, не вставляет. Хотя, знаешь, я с этим Буйковским имел счастье познакомиться лично.

– Да? И как он тебе? – поинтересовалась я.

– Вот если бы я не слышал его стихов, то сказал бы, что он вполне нормальный парень.

– Серьезно? – Моему удивлению не было предела.

В этот момент мы заметили, как в фойе зашли двое полицейских в форме. Один из них заглянул в зал, откуда я только что вышла, и что-то тихо сказал другому. Господа полицейские пошептались и встали возле двери, ведущей в зал, сделав самый невинный вид. Буквально через несколько минут из этих дверей потянулись зрители, среди которых был и наш виновник торжества, окруженный почитателями своего неординарного таланта. Но не успел он сделать и двух шагов, как полицейские, аккуратно растолкав его поклонников, подошли к нему и спросили в упор:

– Господин Буйковский?

Гриня растерянно захлопал рыжими ресницами, а Ярцев достал камеру и стал снимать происходящее.

– Да, – растерянно пролепетал поэт.

– Будьте добры пройти с нами. – Полицейские взяли Буйковского под руки с обеих сторон и повели к выходу.

– Куда? Зачем? – удивленно вопрошал Гриня, а поклонники засвистели по привычке и закричали возмущенно:

– Куда вы его?.. Вы его что, арестовали?.. На каком основании?.. А у вас ордер есть?.. Эй, мужики! Что он сделал?.. Мы жаловаться будем!..

Но полицейские не обращали внимания на выкрики. Они быстро довели упирающегося Буйковского до дверей, где еще один полицейский «принял» его, взяв за плечо и затолкав в машину, стоящую у самого выхода. Из толпы продолжали возмущенно кричать, кто-то снимал все происходящее на мобильный, кто-то начал куда-то звонить. Я встала на цыпочки, чтобы лучше все рассмотреть, а Ярцев протиснулся вперед, подняв камеру над толпой, из которой продолжали доноситься недружные выкрики:

– Отпустите Буйковского!.. Свободу Юрию Деточкину!.. Свободу Григорию Буйковскому!.. Свободу Буйку!..

Поклонники все кричали, свистели и выли от возмущения, но машина с поэтом уже отъехала от крыльца и быстро скрылась в конце улицы.

– Нет, ты видела? – Алина дернула меня за руку.

– Ну, еще бы! – кивнула я.

– Нет, это возмутительно!

К нам подошел Антон, на ходу убирая камеру в футляр:

– Интересно, за что они его?

– За свободомыслие! За стихи! – с вызовом сказала Нечаева.

– Если бы за плохие стихи сажали, то нашему Грине давно дали бы пожизненный, – сказал Антон и добавил, посмотрев на часы: – Все, девочки, убегаю! Срочно надо домой за рабочий стол: завтра в газете должна быть заметка о том, как Буйковского арестовывали...

Журналист махнул нам и растворился в толпе возмущенных поклонников, которые все никак не могли уговориться и разойтись. Казалось, произошедшее событие было этим горлопанам даже на руку: у них появилась еще одна причина поорать и как-то проявить себя.

– Алина, ты думаешь ехать домой? – Я посмотрела на подругу.

– Думаю...

– Ну и что?

– Дай мне подумать еще немного.

– О чем?!

– Полин! Ты что, не видишь? Они же его арестовали!

– Ну, а мы-то что можем сделать? Взять полицейский участок штурмом и освободить заключенного?

– Но что-то же надо делать! – Нечаева, казалось, начала выходить из себя.

– Что? Если человека арестовали, значит, причина есть. Вот завтра придешь в полицию, узнаешь, за что, и тогда выскажешь им свой устный протест.

Мы пошли к моей машине, и я с трудом усадила Алину на пассажирское сиденье. Всю дорогу подруга продолжала гундеть и уверять меня, что Гриша Буйковский – хороший человек и не мог совершить ничего дурного.

– Верю, – кивала я, не желая спорить с Нечаевой, да и что я могла ей возразить? Буйковского я видела в первый раз в жизни. Очень надеюсь, что и в последний.

У своего дома Алина вышла, прощально помахав мне рукой, и я, вздохнув облегченно, отправилась к себе в коттеджный поселок. У нас с дедом здесь прекрасный дом – большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой на кухне. Сейчас я приеду домой, быстренько зажарю какой-нибудь полуфабрикат, а потом мы с дедом будем чаевничать, и дедуля будет что-нибудь рассказывать из своего легендарного прошлого. А завтра с утра я усядусь с новой книжкой в кресло перед камином и буду лениво листать страницы. Никакого дела у меня пока нет, и можно предаться моему любимому занятию...

Ариша еще не лег. Он сидел в зале перед телевизором и смотрел последние новости.

– Дедуль, чай пить будем?

– С удовольствием.

Когда чайник закипел, Ариша появился в дверях кухни.

– Полетт, как тебе встреча с молодым поэтом? – спросил дед, усаживаясь в свое кресло за обеденный стол.

– Встреча прошла на высоком эмоциональном уровне, – ответила я, наливая кипяток в заварочный чайник.

– А почему в голосе сарказм?

Нет, от моего проникательного деда ничего не возможно было утаить, он улавливал малейшие нотки в моем голосе, чувствовал даже слабые изменения в моем настроении. Я рассказала все, что увидела и услышала на сегодняшнем вечере встречи с нашей горовской знаменитостью.

– Что ты говоришь?! – удивился дед. – Господина поэта арестовали? За что?

– Ты считаешь, что полицейские в таких случаях дают окружающим объяснения? – усмехнулась я. – Никто ничего не знает. Впрочем, мне кажется, Ярцев обязательно заинтересуется этим, это как раз в его характере: выяснять, кто, кого и за что. Думаю, в скором времени мы все узнаем...

Я не ошиблась: на следующий день ближе к обеду Антон позвонил мне.

– Полина? Ты в курсе, в чем полиция обвиняет Буйковского? – без всяких предисловий спросил меня Ярцев.

– Понятия не имею!

– Так это же очень интересно! Я тут навел справки по своим каналам, и оказалось, что его подозревают в убийстве совсем юной девушки, кстати, твоей тезки, семнадцатилетней Полины Зайцевой.

– Ничего себе поворот событий! И что, тому есть свидетели?

– Нет, но на капоте машины Буйковского обнаружена характерная вмятина, а жертва сейчас лежит в морге с черепно-мозговой, множеством переломов и ушибов и, главное, со следами краски на теле. Краска, как ты понимаешь, с машины нашего поэта.

– Слушай, Антон, но это же практически неоспоримое доказательство его вины!

– Если бы не одно обстоятельство... – голос журналиста стал загадочным, – к нам в редакцию только что обратился один человек, отец погибшей. Он уверяет, что его дочь, скорее всего, убил совсем другой человек, не Буйковский. С тем молодым человеком его Полина одно время встречалась, но потом рассталась – он был с неуравновешенной психикой, даже агрессивный: кричал на нее как ненормальный, во всем контролировал, даже распускал руки. Сама понимаешь, с таким типом девушка встречаться не могла. Брошенный кавалер донимал бывшую возлюбленную звонками и угрозами, изводил обещанием расправиться со всей ее семьей. Они по этому поводу даже обращались в полицию. Но та, к сожалению, бездействовала: преступления-то, как такового, нет! И вот результат – Полина Зайцева в морге, Буйковский в изоляторе временного содержания, а отец девушки уверен, что искать надо того типа, что встречался с его дочерью...

– Подумать только: в нашем глубоко провинциальном Горовске такие страсти!.. А отец обращался со своими подозрениями в полицию?

– Разумеется! Только там сказали, что верят фактам, а не домыслам и подозрениям. А факты таковы... ну, ты сама знаешь.

– Антон, а зачем ты звонишь мне?

– Как зачем? Полина, я тебя прошу взяться за это дело...

– За какое дело, Ярцев?! Никакого дела я здесь не вижу.

– Как это не видишь, Казакова?! Гриша задержан! А если это не он сбил машиной твою тезку?

– А если он?

– Но ее отец уверяет, что тот, другой, с которым девушка встречалась целых полгода, именно он обещал убить ее. Что, если он осуществил свою угрозу?

– А если это просто совпадение?

– Вот и давай с тобой покопаясь в этом деле! Интересная статейка может получиться на основе такого материала, да и доброе дело сделаем – парню поможем...

– Это какому? Буйковскому?

– А что ты о нем в таком тоне? Чем он тебе не нравится?

– Да так... – неопределенно ответила я.

– Я понял: тебя раздражают его стихи, – догадался Ярцев, – между прочим, они многим не нравятся, в том числе и мне. Но я знаком с этим парнем лично и уверяю тебя: как человек

он совершенно адекватен. А стихи – это так... Рэперы заказывают, вот он и пишет... А если его посадят ни за что? Представляешь, сколько ему может грозить? Молодой парень, совсем еще пацан: ведь ему только двадцать...

– Антон... – начала я, не скрывая своего недовольства, но Ярцев меня перебил:

– Слушай, Мисс Робин Гуд! Ты, кажется, сейчас все равно ничего не делаешь. Я в том смысле, что у тебя нет никакого дела по доставанию всяких мерзавцев, которым удалось уйти от законного наказания. Вот и займись нашим Буйковским. Если все-таки окажется, что виноват тот, с кем Полина Зайцева встречалась и бросила за плохое поведение, то невинно арестованного поэта освободят, а виновного мы с тобой... Ну, короче, найдем, что с ним сделать.

– Но тогда надо выяснить, почему полиция его не арестовывает.

– Вот! Хорошо мыслишь, Полин. Этим я сейчас и займусь. Созвонюсь с отцом погибшей и спрошу, говорил ли он в полиции о своих подозрениях.

– Антон, подожди. Мне надо подумать...

– Правильно! – обрадовался Ярцев. – Думай! А я ближе к вечеру тебе перезвоню, лады?

Антон отключился, а я вернулась в свое кресло и уселась в него с ногами. Ну, вот, кажется, только что мне аккуратно подсунули новое дело. Невинно арестованный поэт, пишущий совершенно дурацкие пошлые стишки, погибшая семнадцатилетняя девушка, почти девочка, убитый горем ее отец и преступник, которого еще предстоит найти и доказать, что убил именно он. А если не он? Ну, пригрозил парень бросившей его девчонке, разве мало таких случаев? Вон Алине вчера ее бойфренд тоже пытался угрожать. Но она молодец, быстро поставила его на место, сама пригрозила братом, полицией, ОМОНОм... И вообще она у меня смелая, такой попробуй погрози хотя бы пальцем. Она его враз оттяпает! А Полина Зайцева не смогла защитить себя... Да и отец не смог ее защитить, и полиция, куда они обращались. А уж эти-то точно могли, если бы захотели...

Да, неприглядная какая-то история. Как тут не порадоваться, что у меня в мои двадцать восемь нет никакого парня! Никто не диктует, как мне жить, что делать, чего, напротив, не делать. Никто на меня не кричит и не распускает руки. Впрочем, один человек не разделяет радости по поводу моей холостяцкой свободы: это мой дед. Он, напротив, считает, что я давно должна была выйти замуж и нарожать ему кучу правнуков, которые бегали бы по нашему большому дому, шумели и дергали бы его за его гордость – аккуратную бородку. Но тут уж, я считаю, не моя вина: просто с молодыми людьми у меня как-то не ладится – то ли требования у меня завышенные, то ли в нашем Горовске как по заказу собраны худшие экземпляры, не знаю. Только в свои двадцать восемь лет я еще ни разу не сходила замуж. О чем, впрочем, не жалею, потому что семья у меня есть, это мой дед Аристарх Владиленович, самый потрясающий дед в мире с кучей недостатков, заядлый и виртуозный карточный игрок, интриган, ворчун, сибарит. Мы нежно любим друг друга. Потому что больше любить нам просто некого.

Однако вернемся к нашим баранам. Точнее, к одному барану – поэту Грине Буйковскому. Конечно, нехорошо так о поэтах... Но, с другой стороны, как он мог умудриться вляпаться в такую историю? Ведь как-то же попала краска с его машины на тело погибшей?! Не сама же девушка потерлась о его капот, да так, что потом оказалась в морге!

Получается, Гриня девушку все-таки сбил... Эх, поговорить бы с ним самим, узнать его версию! Но как? К нему в изолятор меня вряд ли пустят. Хотя это уже головная боль Ярцева: он меня к этому делу подвязал, вот пусть и думает, как организовать мне встречу с следственным. И розыском того парня, которого бросила Полина Зайцева, тоже пусть занимается. А я пока пойду варить пельмени.

Я спустилась на первый этаж в кухню и достала из шкафчика кастрюлю, а из морозильника пачку пельменей. Сейчас я ее сварю, и будет у нас с дедом обед. Надо сказать, что мы давно живем на полуфабрикатах, с тех пор, когда много лет назад я выдвинула лозунг: «Долой кухонное рабство!» С этого момента мы едим магазинные пельмени, блинчики, кот-

леты и вообще все то, что не требует времени и сил на приготовление. Дед, конечно же, поддерживал мой лозунг, хотя нет-нет, да и вздыхал о домашнем борще и котлетках. Но тут уж я ничем не могла помочь моему дедуле: стоять часами у плиты и готовить *настоящую* домашнюю еду я была просто не способна.

Вода в кастрюльке закипела, я ее посолила и высыпала в нее всю пачкупельменей. Неожиданно на ум пришли буйковские строки:

Были бы гроши – купил бы галоши,
Ходил бы по лужам, плевал на прохожих...

А ведь это бравада, мелькнуло вдруг у меня, обыкновенная юношеская бравада неуверенного в себе юнца. Значит, он не такой уж не сомневающийся в своих силах, каким хочет казаться.

Я выключила готовые пельмени и спустилась в сад, где Ариша дремал в шезлонге в тени деревьев. Зажатая в руке газета покоилась на его груди, а сам дед мирно посапывал, как младенец.

– Спишь, дедуль? – спросила я громко, чтобы разбудить Аришу.

– А?.. Что?.. Нет, что ты, Полетт! Я читаю...

– Хватит читать, – усмехнулась я, – пойдем обедать!

Мы сидели в кухне и уплетали обильно политые сметаной пельмени.

– Ты что-то задумчива, ма шер. – Ариша внимательно смотрел на меня своими добрыми прищуренными глазами.

– Мне подсовывают новое дело, – призналась я.

– Кто?

– Ярцев. Звонил недавно, давил на жалость...

– Добрая душа! Не может пройти мимо несправедливости.

– Или ему нужна большая захватывающая статья с интригой, приключениями, «чернушкой» и всем остальным в придачу. Хотя, конечно, ты прав: Ярцев – человек, готовый ради справедливости положить голову. Так или иначе, он просит меня заняться тем арестованным поэтом, на вечере которого мы с Алиной были вчера.

– Возьмешься? – Ариша смотрел на меня, а я уже догадалась, какого ответа он ждет от своей внучки.

– Дед, ты забываешь, что я у тебя не сыщик и не следователь: я не умею *раскрывать* преступления, я могу только наказывать мерзавцев, которые благодаря положению или деньгам уверовали в свою безнаказанность и вседозволенность. Мне доставляет удовольствие доставать этих самоуверенных наглецов и давать им по физиономии. Если уж не в прямом смысле, так хоть в переносном. А здесь кого надо наказывать? Еще неизвестно, кто на самом деле сотворил такое с девушкой – сбил ее машиной. Ярцев говорит, что на теле погибшей – следы краски с машины Буйковского.

– Полетт, я думаю, ты просто недооцениваешь свои возможности. Да и Антон тебе поможет. Вспомни: в некоторых твоих делах тебе приходилось самой добывать доказательства виновности или невиновности фигурантов дела.

– Ладно, дед, не уговаривай. Думаю, что я возьмусь: мне сейчас все равно делать нечего.

После обеда довольный Ариша удалился в сад в свой шезлонг «дочитывать газету», а я принялась убираться на кухне, между делом обдумывая так неожиданно появившееся у меня новое дело. А я-то надеялась, что вчера на вечере видела Буйковского в первый и в последний раз в жизни! Как видно, напрасно.

Ярцев позвонил ближе к вечеру:

– Полина, мне удалось разузнать у знакомых ментов все, что только можно. Дело тут и впрямь непростое. Но об этом – не по телефону. Короче, так: давай встретимся через час возле кафе «ЗападВосток», того самого, где мы с тобой пили эспрессо в последний раз. Все, жду!

В трубке раздались короткие гудки. Хорошенькое дело! «Давай встретимся через час...» А спросить меня, смогу ли я подъехать туда через час, что, не надо? Или Ярцев считает, что я, как пионер, всегда готова к труду и обороне? Мысленно ворча на дотошного журналиста, я встала с кресла и отправилась в душ. Пожалуй, еще успею вымыть голову, освежиться и вообще привести себя в порядок...

Антон сидел за самым дальним столиком в самом дальнем углу зала. Перед ним стоял стакан ананасового сока с соломинкой. Ярцев неторопливо потягивал его, наслаждаясь приятной музыкой. Я подошла и опустилась рядом с ним на стул.

– Привет. Ну, что, по эспрессо и по пирожному?

Антон подозвал официантку. Когда она отошла от нашего столика, Ярцев наклонился немного ко мне и сказал тихо, как будто нас кто-то мог подслушать:

– Полина, мне удалось добыть заключение судмедэксперта.

– И что с того?

– Как что? Казакова, ты хоть представляешь, *чего* мне это стоило?!

– И чего тебе это стоило?

– Пришлось лезть кое-кому в глаза, а кое-кому откровенно дать взятку! – Антон опасливо стрельнул по сторонам глазами.

– Статья 290, от семи до двенадцати, – автоматически сказала я.

– Вот! Видишь, как приходится рисковать! И не только свободой.

– А чем еще?

Ярцев посмотрел на меня многозначительно. Я догадалась: мой друг рисковал самой жизнью.

– И что там интересного в заключении судмедэксперта? – спросила я.

– Полин, это что-то совсем непонятное. И вообще сама история какая-то мутная.

– Так давай все по порядку, чего тянешь?! – возмутилась я.

Вот любит Ярцев напускать туман! Наверное, это издержки его профессии.

В этот момент к нам подошла официантка, принесла заказ. Мы принялись потягивать горячий эспрессо, заедая его вкусными пирожными.

– Дело в том, Поль, что на теле погибшей имеется краска еще одной машины, причем эта находится на теле *под* краской с машины Буйковского, – почти шепотом сообщил журналист.

Я удивленно посмотрела на моего друга.

– И что это значит? Нашу пострадавшую сбила не одна машина?

– Выходит, так.

– Что за бред? Как такое может быть?

– Пока сам не знаю. Могу только предположить, что наш поэт сбил ее *после первой аварии*.

– Так они что, оба ее сбили? Сначала один, потом второй? Антон, что-то мне все это не нравится. Если девушку сбила одна машина, как она могла попасть под вторую? Сбитые машиной обычно лежат на дороге, или я не права?

– Я же говорю: мутная история.

– А может, одна машина девушку сбила, она в горячке вскочила и тут же попала под другую, которую вел наш рифмоплет Гриня?

– Все может быть. Я хотел побеседовать со следователем, который ведет это дело, но он, услышав, о чем речь, категорически отказался говорить со мной.

– Понятно: тайны следствия.

– Полина, при чем тут тайны? Нет, он определенно темнит. Знаешь, *как* он посмотрел на меня, когда я сказал, что хочу задать несколько вопросов о деле погибшей Зайцевой?!

– Ну и как? – усмехнулась я.

– Испуганно.

– Да ладно! Чего ему пугаться, следователю?

– А вот не знаю, чего, но он испугался, это верняк. Быстро стрельнул в меня глазами, недовольно так стрельнул, даже, как мне показалось, в лице изменился. И сразу ушел. Дела, мол, у него и все такое...

Я посмотрела на Ярцева внимательно. Вообще-то он никогда не врал, по крайней мере, мне. И к числу пугливых его причислить тоже было нельзя. Пугливые вообще не идут в журналисты, в этой профессии таким делать нечего. Значит, там действительно все мутно и непонятно... Хотя...

– А заключение у тебя собой?

Ярцев огляделся по сторонам, потом полез в портфель и достал оттуда листок, свернутый вчетверо. Я развернула его на столе и принялась изучать. Это была ксерокопия судебного-медицинского заключения освидетельствования трупа. Шли описания ушибов, переломов и других травм на теле потерпевшей Зайцевой П. А. такого-то года рождения. «...Открытая черепно-мозговая травма... Перелом позвоночника в трех местах, челюсти со множеством раздроблений, перелом ключицы, локтевого сустава, бедра... Ушибы внутренних органов, внутреннее кровоотечение, разрыв селезенки... Оторваны почки... Множественные ссадины и гематомы...» Черт! Ее что, поездом сбило? По спине у меня побежали мурашки. Выходит, на теле девушки просто не было живого места. Отбивная, одним словом. Так, а что тут у нас про краску? Ага, вот: «...обнаружены следы автомобильной краски цвета «Тициан» золотистый... поверх них обнаружены следы зеленой краски...» Я подняла глаза и посмотрела на Ярцева.

– Антон, какого цвета автомобиль у нашего доморощенного поэта?

– Зеленая «девятка». Старая, но кое-как тарахтит.

– Значит, этот самый «Тициан» золотистый – это краска с первой машины, которая сбила девушку. И где, интересно, нам ее искать?

– Я думаю, надо поехать к отцу погибшей и поговорить с ним. Наверняка он знает, какой автомобиль был у бойфренда его дочери.

– Разумно. Допиваем кофе и едем к отцу... Адрес, надеюсь, ты у него взял?

– Обижаешь!

Через десять минут мы уже ехали в моем «Мини-Купере» на улицу Веселую, где жила погибшая.

Услышав, кто мы, дверь нам открыли моментально. На пороге стоял высокий сухоощавый тонкокостный мужчина лет сорока с хвостиком. Он был в домашних брюках, выцветшей спортивной майке и шлепанцах. Его редкие волосы были зачесаны назад, а печальные глаза смотрели так, словно он вот-вот расплчется. Вообще, если судить по его глазам, то можно было подумать, что ему лет семьдесят. Увидев Ярцева, мужчина как-то вяло кивнул ему, повернулся и пошел, удаляясь в глубь квартиры. Мы двинулись следом за ним. В комнате, которая, должно быть, служила хозяевам гостиной, мужчина сел на диван, молча указав нам рукой на кресла. Мы опустились в них. Я огляделась: в комнате не было шикарной обстановки, но здесь было чисто и предельно просто. Антон представил меня:

– Анатолий Иванович, это – юрист, ее зовут Полина.

Мужчина практически никак не отреагировал на его слова. Он безучастно смотрел на Ярцева, а я отметила про себя, что вокруг глаз у него – черные круги. Значит, он не спит ночами, догадалась я. Хозяин не предложил нам чай, он сидел и обреченно смотрел на Антона.

– Анатолий Иванович, вы можете рассказать нам все еще раз?

Мужчина устало вздохнул:

– А что говорить-то? И так все понятно: это он ее и убил! Машина у него есть, вот он ее и сбил...

– Анатолий Иванович, вы о ком сейчас говорите? – допытывался Ярцев.

– О Виссарионе, черт бы его побрал!

– Это тот молодой человек, с которым ваша дочь встречалась? – спросила я.

Хозяин повернул голову и посмотрел на меня.

– Это он настаивал, чтобы она встречалась с ним, – сказал Анатолий Иванович, – а она не хотела. Даже пряталась от него, скрывалась у друзей и у бабушки. А он ее находил и угрожал, что если она будет от него бегать, то он ее найдет и убьет. Мать, ну, то есть моя жена, когда узнала об этом, слегла с инфарктом: у нее всегда было слабое сердце. Она ведь и сейчас не знает, что наша Поляночка... что она...

Хозяин замолчал и закрыл лицо руками. Мы терпеливо выждали, пока он справится с душившими его слезами, и тогда я снова спросила:

– А как ваша дочь познакомилась с этим Виссарионом, вы знаете?

– На улице познакомилась, с полгода тому назад. Он к ней сам подошел, стал, как сейчас молодежь говорит, «клеить». Она у нас скромная... была. Не хотела с ним знакомиться, она же тогда еще в школе училась, в последнем классе. Мы ее так настраивали: ты, мол, сначала школу окончи, аттестат получи, а потом женихаться будешь. Так вот, она не хотела с ним знакомиться, а он настоял, мне, говорит, такие скромные девушки нравятся. Проводить ее пошел, разговорились по дороге. Виссарион этот поначалу-то хорошо к ней относился, не обижал, называл красавицей и Зайкой. И цветы дарил, и в кафе ее водил, и еще в этот... как его? Где шары катают...

– Боулинг, – подсказал Антон.

– Вот-вот, туда.

– А когда начались неприятности? – спросила я.

– Когда однажды Поляночка отказалась идти к его другу в гости на день рождения. У нее на завтра контрольная была, ей готовиться надо было. А он вдруг так разозлился! Кричать начал: как ты, мол, смеешь мне отказывать?! Ты хоть понимаешь, кто ты и кто я? С тех пор так и пошло: чуть что не по его, он и давай орать на нее. А потом еще и руки, поганец, стал распускать. Дочка один раз пришла с синяком, потом еще... Я ее спрашиваю, что, мол, случилось, а она: папа, я упала... Папа, я об угол стола ударилась... Я говорю: что-то раньше ты об углы не ударялась. А она возьми и расплачься! Тут-то все и открылось...

– Что этот Виссарион бьет вашу дочь? – уточнил Антон.

Анатолий Иванович кивнул:

– Да. Бьет и заставляет делать то, что ему, поганцу, надо. А ее мнения даже не спрашивает! Ты, говорит, моя собственность, моя вещь, как я тебе прикажу, так и будет.

– Не слабо закручено! – не удержалась я. – А вы заявляли на этого урода в полицию?

– В полицию? – усмехнулся хозяин. – Заявлял. Только не сразу. Сначала я хотел сам с ним разобраться, по-мужски, как-никак я – отец семейства, защитник своим дочерям. Как только Виссарион пришел к Поляночке, я его в подъезд вывел, за грудки взял и говорю: что же ты, гад такой-сякой, делаешь?!.. А он врезал мне по физиономии пару раз и сказал, что если я хочу, чтобы обе мои дочери были живы и здоровы, то не буду влезать в его дела с Поляночкой, они, мол, сами между собой разберутся.

– Он вас ударил? – уточнила я. – Вас, человека в два раза старше себя? Отца своей девушки?!

Анатолий Иванович снова виновато кивнул.

– И после этого вы пошли в полицию?

– Пошел... Наивный дурак! Только там мне сказали, что не видят здесь никакого криминала. Милые, мол, бранятся – только тешатся, чего вы, папаша, влезаете? Сами, мол, разберутся. Я им говорю: так дочка же в синяках ходит, угрожает ей кавалер-то, она его боится! А они: ну, вот как только он угрозы свои осуществит, так и приходите, а пока нам ему предъявить нечего...

– Расскажите, как вы ее прятали, – попросил Антон.

– Прятали, – кивнул Анатолий Иванович, – да что толку! Один раз она у бабушки целую неделю жила. Тогда весенние каникулы были, и Поленька в школу не ходила. Сидела в бабушкиной квартире, носа не высывала, к выпускным экзаменам готовилась. Она ведь у меня умница: школу-то с золотой медалью окончила!.. Так вот. Этот урод ее по вечерам караулил возле дома, даже к нам поднимался пару раз, в дверь звонил. Я ему не открыл, а своим даже запретил к двери подходить. У меня ведь еще одна дочка есть – Оленька, она помладше Поленьки на два года. А как только занятия в школе начались – последняя четверть, сами понимаете, учиться-то надо! – дочка пошла на занятия, и тут он ее и подкараулил. Прямо у школы, гад, поймал, затащил в свою машину и увез к себе...

Мужчина замолчал, снова закрыл лицо руками и просидел так несколько минут. Мы с Ярцевым терпеливо ждали, не в силах тревожить его расспросами. Через некоторое время он отнял ладони от лица, глаза его были красными и мокрыми. Он с трудом продолжил свой страшный рассказ:

– Вернулась дочка только через двое суток. Глаза черные, сама осунувшаяся, побледневшая, на скулах, на руках – синяки и ссадины... Мы, конечно, ее искали, даже в полицию заявляли, только заявление у нас не приняли, сказали: если через трое суток не объявится, тогда и приходите... Я говорю: так мы же знаем, кто ее похитил! Свидетели есть, как этот Виссарион дочку на машине увозил. Они, правда, номер машины записали, сказали, что все выяснят и позвонят...

– Позвонили? – спросила я.

– Ага! Еще как позвонили! Сказали, что я клевету на человека и что за это они могут меня даже привлечь. Они все проверили, у парня этого есть алиби, возле школы он не был, дочку нашу в тот день в глаза не видел и вообще в это время находился в институте на занятиях, и тому, мол, есть двадцать человек свидетелей. Ну и как вам такое?! А девочка моя вся в синяках пришла, на ней лица не было. Я – к ней с расспросами, а она только плачет и говорит: папа, не ходи в полицию, бесполезно все это. У Виссариона отец – сотрудник ГИБДД и далеко не рядовой, они против своих не пойдут. Он об этом ей сам рассказал, в открытую, еще насмеялся: против моего папаша бороться, мол, дураков нет. Он всех в порошок сотрет! Не зря родители назвали его Иосифом в честь Сталина, у него и отчество такое же. Старики, оказывается, были и остаются сталинистами, до сих пор верят, что только «железной рукой» можно навести в стране порядок. И сына вырастили в том же духе, тот вообще – кремень, его все сотрудники ГИБДД боятся. А гибэдэшник, в свою очередь, своего сына вырастил таким же самодуром. Теперь понятно, почему парня не привлекли и почему он такой наглый?

Мы с Ярцевым переглянулись. История вырисовывалась все более неприглядная. Выходит, бывший бойфренд действительно жутко терроризировал жертву и ее семью. Такой мог убить девушку и глазом не моргнуть, а полиция, чтобы не связываться с бешеным папашей, спишет сейчас все на бедного поэта-недотепу, и тот сядет лет на восемь за чужие грехи.

– А Полина ваша все-таки этого уroda бросила? – снова спросила я.

– Да. Как он ей ни угрожал, она набралась смелости и послала его куда подальше. А к вам я потому и пришел, – повернулся Анатолий Иванович к Ярцеву, – что понял: уйдет Виссарион от наказания, как пить дать, уйдет! А теперь вот выяснилось, что Поленьку еще одна машина сбила... Странно это все как-то...

– А фамилию Буйковского вы от нее ни разу не слышали? – спросила я. – Григорий Буйковский. Подумайте, может, они были знакомы?

– Нет, не слышал, – помотал головой хозяин.

Ярцев встал со своего кресла.

– Анатолий Иванович, извините, но нам пора, – сказал он, – у меня еще дела в редакции...

Хозяин тоже поднялся:

– Вы вот что... Если сможете как-то этого урода привлечь, – буду вам очень благодарен. Мне, может, хоть чуточку будет легче оттого, что убийца получит по заслугам. Ну, а если не сможете... Я вас осуждать не буду: понимаю, что с такими бороться, что с самосвалом – и страшно, и небезопасно...

Мы вышли из квартиры Зайцевых и стали спускаться по лестнице.

– Полин, давай так, – сказал Ярцев, – я сейчас здесь останусь: мне надо еще соседей расспросить, сама понимаешь, для статьи необходим материал. А ты пока можешь быть свободна, потом созвонимся.

– Добро.

Я вышла из подъезда и села в свой «Мини-Купер». Настроение у меня было в высшей степени мерзопакостным. Опять все, как тогда, когда погибли мои родители, – уверенный в своей безнаказанности тип, подлый и гнусный, прикрывающийся высокопоставленным папашей. Ну, уж нет, черта с два я такому спущу!

Глава 3

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Я припарковала машину на стоянке ближайшего магазина и достала мобильный из сумки. На дисплее высветился незнакомый номер. Я нажала кнопку:

– Алло?

В ухо скороговоркой затрещал голос Алины:

– Полин, быстро давай подруливай к зданию полицейского участка на улице Трактористов-Комбайнеров.

– Зачем? – насторожилась я.

– Мы здесь устроили пикет против ареста поэта Гриши Буйковского.

Подружка говорила приказным тоном, не терпящим никакого возражения.

– Так ведь я... того... Не могу...

– Никаких «не могу»! Быстро собралась – и сюда. Здесь столько народа! В основном молодежь. Мы держим плакаты и лозунги, постоянно скандируем: «Свободу поэту!», «Свободу Буйковскому!»... Слышишь?

В трубке действительно раздавался какой-то гул, похожий на шум переполненного стадиона.

– Если там у вас много народа, может, вы и без меня обойдетесь? – осторожно поинтересовалась я.

– Не обойдемся! В нашем деле каждый человек важен.

– Алина, а с какого телефона ты звонишь? – спросила я.

– У меня трубка села, и я тут взяла мобильный у Вадика... Короче, Полин, подруливай к нам! Гриню надо освобождать во что бы то ни стало!

– Ты будешь удивлена, но именно этим я сейчас и занимаюсь.

– Как это? – опешила подруга. – Ты что, тоже стоишь в пикете?

– Не совсем.

– Так ты не присоединишься к нам?

– Извини, нет.

– Так, что-то ты темнишь. Короче, как только освобожусь, сразу заеду к тебе, поняла?

Алину трудно не понять, она человек конкретный.

– Поняла. Буду ждать тебя.

Я убрала мобильный в сумку и продолжила движение в свой поселок.

Дома я поставила вариться оставшиеся от обеда пельмени и в ожидании ужина села к столу. Ариши дома не было, очевидно, он тусуется где-то у своих приятелей. Я пыталась осмыслить все, услышанное сегодня от отца погибшей девушки. Если то, что он рассказал, правда, а я думаю, что так оно и есть, врать ему нет никакого смысла, то дело вырисовывается очень даже некрасивое. Спускать таким уродам нельзя: сегодня он убил одну девушку, завтра найдет себе новую жертву. И где гарантии, что он вообще когда-нибудь остановится? Но прежде чем взяться за этого Виссариона, надо узнать о нем все, что только можно. А для этого мне придется позвонить дяде Сереже. В его конторе можно добыть такие сведения, которые обычным гражданам и не снились! Он обязательно раскопает что-нибудь интересенькое, это как пить дать.

Я набрала его номер на домашнем телефоне.

– Дядя Сережа?

– Здравствуй, Полиночка! Рад тебя слышать. Как здоровье Аристарха Владиленовича? Как вы с ним поживаете?

– Спасибо, здоровье у деда хорошее, проживаем еще лучше. Дядя Сережа, у меня к вам просьба.

– Я догадался. Кого собираешься потрясти на это раз?

– Одного мерзавца, убившего семнадцатилетнюю девочку.

– Какой ужас!

– Да, она только что окончила школу, кстати, с золотой медалью. Хорошая была девушка, скромная. Да только «повезло» ей познакомиться с одним уродом, терроризировавшим ее и ее семью. В связи с этим хотелось бы знать: кто такой Иосиф Виссарионович, несущий доблестно службу в ГИБДД, притом не рядовым инспектором, и его сын Виссарион.

– Так это я тебе и так скажу: я этого кренделя знаю. Кинделия Иосиф Виссарионович, начальник одного из отделов нашего городского ГИБДД. Недавно получил подполковника. Что тебе еще надо знать?

– А это точно он?

– Ну, насколько мне известно, другого Иосифа Виссарионовича у них нет.

– И какой он на службе, я имею в виду, как ведет себя с подчиненными?

– Требователен, даже чересчур, груб. Поговаривают, что может обложить подчиненного трехэтажным матом, послать далеко и надолго, и даже был случай рукоприкладства.

– Тоже мне, Железный Феликс! И что, его не выгнали за это самое рукоприкладство?

– Собирались, но потом передумали. Злые языки поговаривают, что он отделался не только испугом.

– Взятка. Понятно. А его сын?

– Про сына я, честно говоря, знаю меньше. Он, кажется, учится в каком-то институте, по-моему, экономическом, лет ему чуть больше двадцати...

– Дядя Сережа, вы мне про этого отпрыска можете добыть максимум сведений?

– Постараюсь. И сам тебе тогда перезвоню.

Я положила трубку и выключила сварившиеся за это время пельмени. Итак, скоро у меня будут сведения о семейке Кинделия, и тогда я примусь за молодого человека по имени Виссарион. И если это действительно он убил мою тезку Полину Зайцеву, ему не сдобровать!

Доев пельмени и убравшись на кухне, я уселась поудобнее в своем любимом кресле возле камина и открыла книгу. Но долго предаваться наслаждению от чтения любимого романа мне не пришлось. Зазвонил телефон, и я подняла трубку:

– Алло?

– Полина, это я, – в трубке был голос дяди Сережи, – так вот, слушай, что мне удалось узнать. Итак, Кинделия Виссарион Иосифович, двадцать один год. Студент экономического института, факультета «Управление бизнесом и деловое администрирование», перешел на последний, пятый курс. Параллельно подрабатывает в одной довольно престижной фирме, куда, похоже, готовится устроиться после получения диплома. Думаю, это теплое местечко подыскал ему папаша-гаишник. Живет парень отдельно, в однокомнатной квартире, купленной отцом. Записывай адрес: улица Автодорожников, девяносто девять, квартира двести десять. Ездит по доверенности на машине «Хонда Цивик» цвета «Тициан» золотистый, номерной знак А 444 ББ. Говорят, малый до жути самолюбивый и очень норовистый: чуть что не по нему – лезет в бутылку, а порой и в драку.

– Ну, еще бы! С таким-то папашей!

– Кстати, о папаше. Я слышал, он не так давно женился в четвертый раз на молодой девушке, почти ровеснице своего отпрыска.

– Ого!

– Да, между ними буквально два-три года разницы. Молодая жена хороша собой, работает менеджером в одной из рекламных компаний.

– А куда подевались первые три жены нашего гибэдэдэшного подполковника?

– Поговаривают, что они сбежали от него, не выдержав издевательств – у Иосифа Виссарионовича очень уж крутой нрав: есть сведения, что в семье он просто тиран и деспот, даже поднимал руку на своих жен. Первая несколько раз попадала в больницу с травмами, вторая ушла из дома в чем была, после того, как муж чуть не задушил ее.

– Да... Теперь понятно, в кого сынок. Стоит ли удивляться, что этот тоже дубасил свою девушку и ее отца!

– Полина, ты вот что: будь-ка поосторожней с этими уродами. Похоже, нрав у них очень крутой, что у папаши, что у сынули.

– Дядя Сережа, я всегда осторожна. И не переживайте за меня: мне приходилось иметь дело с разного рода мерзавцами.

– Я это знаю, но все-таки предупреждаю: будь осторожна! И, если что, звони мне в любое время, хорошо?

– Как скажете!

Я положила трубку и снова уселась в свое любимое кресло. Но сосредоточиться на сюжете книги уже не могла: из головы не шел разговор с отцом Полины Зайцевой и дядей Сережей. Разве это нормально, что такие Кинделии живут среди нас? Терроризируют девчонок, их родителей, а потом и вовсе убивают? А может, зря я о нем так думаю? Может, этот Виссарион сейчас мучится угрызениями совести? Не спит по ночам, мечется во сне, рыдает в подушку? Может, он от переживаний места себе не находит? А как мне это узнать? Наверное, только одним способом: познакомиться с ним. Где?

Хороший вопрос. Пойти в институт я пока не могу: сейчас еще август, и занятия начнутся только через несколько дней. Но можно подловить его на какой-нибудь дискотеке – это раз. Можно познакомиться с ним в супермаркете, нечаянно толкнув его тележкой с продуктами и извинившись, а потом состроить глазки... А еще в кафе или на автостоянке... Одним словом, есть много мест, где девушка может познакомиться с молодым человеком по своей инициативе. А вот интересно, какие девушки ему нравятся: блондинки, брюнетки или шатенки? То, что скромницы, это я уже поняла, а вот тип? Над кем Виссариону приятнее измываться: над блондинками или брюнетками? Жалко, не попросила я фотографию погибшей Полины у ее отца. Хотя, по-моему, тут особой разницы нет, лишь бы девушка была по своей сути жертвой.

Жертвой по сути... А это я очень верно заметила. Вот, например, Алина. Она-то далеко не жертва: попробуй только тронь ее! Так уделает, хотя и словесно, что мало не покажется! Но то Алина. Она у меня боевая подруга, с ней и в огонь, и в воду, и в разведку – никуда не страшно. И себя, и меня в обиду не даст. Хотя по сути своей – трусиха. Но об этом никто, кроме меня, даже не догадывается. Просто у нее натура такая: когда она чего-то боится, то может стать такой агрессивной, что любого обидчика напугает. В эти минуты Алина чем-то напоминала мне соседскую собачку – пекинеса Кнопку. Та, увидев большую собаку, принималась громко лаять на нее и грозно рычать, всем своим видом показывая, что готова сцепиться с врагом насмерть. И, как ни странно, зачастую это срабатывало: многие чужие собаки обходили Кнопку стороной. На всякий случай.

Но я недолго предавалась размышлениям: внизу позвонили, и я пошла открывать.

Алина (легка на помине!) буквально рухнула на мой порог.

– Ой, устала-а, – застонала она, – ноги не держат, руки не поднимаются... Срочно приготовь мне что-нибудь похавать...

– Ты что, весь день простояла в своем пикете? – удивилась я.

– Что значит «в своем»? – возмутилась подруга, кое-как сбросив босоножки и шлепая босыми ногами ко мне на кухню. – Не в своем, а в нашем! Дело освобождения невинно арестованного поэта – это общее дело каждого сознательного гражданина нашего города!.. Похавать, говорю, приготовь что-нибудь, умру ведь сейчас от голода...

– Есть только котлеты-полуфабрикаты, могу разогреть в микроволновке. Ты как?

Нечаева сморщила свой курносый носик:

– Ладно уж, давай трави свою лучшую подругу!

– Сколько разогреть?

– Три. Нет, лучше четыре... А вообще, знаешь, что? Давай пять на всякий случай: что-то я такая голодная сегодня! И хлеба побольше...

Я достала котлеты из холодильника и поставила их в микроволновку.

– Иди мой руки.

– Уже ползу...

Вскоре мы с Алиной сидели за столом. Она энергично уминала за обе щеки дымящиеся котлеты, заедая их хлебом, и умудрялась при этом рассказывать мне, как они стояли в пикете и требовали от полицейских освободить Гришу Буйковского, сколько там собралось его друзей и просто поклонников таланта.

– Даже пресса была, Полин, представляешь? У меня журналист – такой молоденький и симпатичный тоже брал интервью... Я ему такое рассказала!.. Арестовать поэта! Это же наша городская знаменитость! У нас в Горовске что, так много поэтов, что ими можно вот так разбрасываться направо и налево, сажать в каталажки?! Безобразие!.. Еще котлетку положи...

– И чего вы добились? – спросила я.

– Как чего? Гриню обещали освободить.

– Так уж освободить? – засомневалась я.

– А ты думала?! Мы там что, по-твоему, зазря полдня торчали, возле этого полицейского участка?! К нам вышел какой-то мужик в форме, кажется, начальник этого полицейского отделения или его зам, точно не знаю. Так вот, мы ему все высказали, а он обещал во всем разобраться лично и выпустить Буйковского. Под подписку, разумеется, но это ничего, главное, Гриня будет дома, а не в каталажке со всякими отморозками. Вот увидишь, завтра же его выпустят...

Что-то я в этом сомневаюсь, подумала я, но вслух ничего не сказала. Не стоит лишать подругу иллюзий, пусть думает, что их страдания не были напрасными.

– Да, мало ты котлет разогрела, – вздохнула Нечаева, посмотрев с тоской в пустую тарелку, – я же просила шесть штук...

– Я могу еще разогреть.

– Да ладно уж, теперь я могу как-нибудь дотерпеть до дома, а там у меня плов по-бухарски...

– Сама готовила? – удивилась я.

– Еще чего! Наташка Лебедева была в гостях. Ты же знаешь, она любительница всякой экзотики...

С котлетами было покончено, и Нечаева попросила налить ей чаю, и побольше.

– Кстати, что у тебя к нему есть?

Я пошарила в буфете и нашла пачку шоколадного печенья.

– Пойдет, – милостиво махнула подруга рукой.

Я включила чайник и приготовила две кружки, одну из них – подарочную, большую, на пол-литра.

– Слушай, Поль, а что ты там говорила насчет того, что тоже занимаешься освобождением Буйковского? – спохватилась вдруг подруга.

Пришлось рассказать ей все с самого начала – как мне позвонил Ярцев и поведал, за что задержали Гриню, как мы ездили к отцу погибшей девушки, какие ужасы там узнали про издевательства над ней некоего Виссариона, про сведения, которые мне слил дядя Сережа. Подруга зло сузила свои голубые глаза, отчего они превратились в щелочки:

– И такая мразь ходит по земле?! Нет, ну, ты подумай, Полин! И из-за него еще и Гришку арестовали! Слушай, мы должны этому уроду показать, где тут у нас в Горовске раки зимуют! Как ты считаешь?

– Должны... Только ты заметь: на теле жертвы есть краска и с автомобиля твоего Гришки.

– Недоразумение! Ошибка следствия...

– Не думаю. Ведь как-то же они вышли на Буйковского!

– А действительно, как они могли на него выйти? – Алина удивленно хлопала ресницами, потягивая чаек. – А может, кто-то его специально подставляет?

– Зачем? – усмехнулась я.

– Конкуренция. Может, какой-то другой поэт чувствует, что Буйковский пишет лучше его, отбивает поклонников, вот и...

– Ну, насчет этого можешь быть совершенно спокойной: вряд ли у твоего Грини есть конкуренты. А выйти на него полиция могла, допустим, с помощью камер слежения. Сейчас у нас по всему городу камер наткано, заметила? Практически на всех супермаркетах, многих магазинах, на столбах рядом с перекрестками, на автостоянках... На съемках, насколько я знаю, всегда хорошо виден номер машины. Если твой Буйковский действительно сбил девушку...

– Поль, да не мог он ее сбить, пойми наконец! Гриня – он не такой. Он же поэт...

– Откуда ты знаешь, что не мог? Ты тупо защищаешь его как поклонница его... хм, *таланта*, а как там оно на самом деле, еще неизвестно!

– Но я знаю, что человек, который едва ли не с детского сада пишет стихи, не может быть мерзавцем, – продолжала настаивать Нечаева. – И вот еще что, Поль: если уж ты взялась за это дело, то смело можешь на меня рассчитывать, я тебе помогу. Ради Грини, разумеется.

– Спасибо.

– Тебе спасибо. За котлеты, за чай... Не дала умереть голодной смертью активистке-общественнице.

Алина встала и, поглаживая живот, поплелась в прихожую.

– Уходишь? – поинтересовалась я.

– Да, мне пора домой. Надо принять ванну и постирать... Короче, дела. И еще я хотела сегодня пораньше лечь спать: устала что-то.

Еще бы! Простоять полдня в пикете. Как она там вообще не шлепнулась в обморок на солнцепеке?

Проводив подругу, я вернулась в свою комнату. Досидев остаток вечера с книгой, я отправилась в ванную готовиться ко сну.

* * *

Утро следующего дня было на редкость радостным и светлым: по небу плыли легкие пушистые облачка, ласково светило солнышко, звонко щебетали птицы на деревьях. Я выглянула в окно, и настроение у меня сразу поднялось. Я даже решила сегодняшний день посвятить уборке в доме, что делала крайне редко. Кажется, последние две недели я вообще не прикасалась к швабре и тряпке для пыли. Надо признать, что человек я достаточно ленивый. Сидение в кресле перед камином с книгой было одним из самых излюбленных моих занятий. Если бы можно было еще совсем не убираться и не готовить обед! Впрочем, последнюю проблему мы с дедом научились решать довольно легко с помощью полуфабрикатов. Что же касается уборки, то тут мы просто закрывали глаза на этот вопрос, а чтобы совсем уж не погрязнуть в пыли и мусоре, я время от времени бралась за швабру, ведро и тряпку. Наводить чистоту и порядок, как правило, я начинала с самой дальней комнаты. Вытерев пыль на мебели и полы, я переходила в следующую, оставляя за собой чистоту и свежесть и рассуждая попутно, что пыль –

какая-то очень странная субстанция. Вопреки закону Ломоносова о сохранении веществ эта гадкая пыль появлялась ниоткуда, зато сама никуда не исчезала.

Наш с дедом дом достаточно большой. В память о тесноте нашей квартиры родители запланировали на первом этаже целых три гостиных: для своих гостей, для дедушкиных и для моих. Спальни располагались на втором этаже и считались личной территорией. Идея с гостинными казалась удачной, не надо было спорить и насчет оформления комнат, для себя мама и папа выбрали модный тогда стиль кантри, дедушка – роскошный рококо, я – лаконичный хай-тек. Зато теперь каждого гостя можно было принимать в наиболее желанной для него обстановке. Несмотря на солидные габариты нашего дома, дело по его уборке продвигалось довольно быстро, так как за диванами, креслами и в других закутках я вообще не убиралась. Зачем? Все равно там никто не ходит.

Мое полезное занятие прервал телефонный звонок домашнего аппарата. Странно, но эта примета у меня всегда сбывалась: если я начала уборку, обязательно кто-то заявится или позвонит. На этот раз в трубке раздался бодрый голос Ярцева:

– Привет, Полина! У меня для тебя две новости, и обе хорошие. С какой начать?

– Антон, зачем ты спрашиваешь? Какая разница, если они обе хорошие? Начинай с любой.

– Тогда слушай. Во-первых, нашего Гриню сегодня отпускают под подписку...

– Серьезно? – Моему удивлению не было предела. – С чего бы это вдруг? Кажется, обвинение ему предъявлено более чем серьезное.

– Отпускают, потому что надавила общественность...

– Ну, насчет этого я как раз в курсе, я имею в виду давление общественности. А вторая новость?

– Мне тут удалось нарыть кое-что о том самом Виссарионе. Фамилия его – Кинделия...

– Насчет этого я тоже в курсе. Я даже знаю, что его папаша доблестно трудится в ГИБДД и недавно получил звание подполковника. А еще – что он женился в четвертый раз...

– Откуда «дровишки»?

– Из лесу, вестимо...

И я передала Ярцеву сведения, которые услышала от дяди Сережи.

– Полин, а ты знаешь о том, например, что Иосиф Виссарионович висит возле здания администрации на Доске «Лучшие люди города»?

– Висит? В каком смысле?

– Я имею в виду его портрет.

– Да? – снова удивилась я. – Никогда не обращала внимания на эту Доску. Надо будет как-нибудь посмотреть... А ты в курсе, что он лупил всех своих жен, отчего три из них уже сбежали от него? Сейчас он живет с четвертой, молодой девушкой, почти ровесницей его сына.

– Здорово! – восхитился Ярцев. – Откуда все-таки сведения?

– Я свои источники не сдаю.

– Понятно. Это тоже хорошая новость, я имею в виду для того дела, которое мы затеяли. Я вчера порасспрашивал соседей Зайцевых, они подтвердили, что этот придурок Виссарион измывался над Полиной. Люди видели синяки на ее лице. Девушка призналась одной соседке, что очень боится его. Я уже начал писать статью...

– Антон, я вот что хотела у тебя спросить: ты случайно не в курсе, кто была погибшая – блондинка, брюнетка или шатенка?

– Случайно в курсе. Блондинка, как и ее младшая сестра Ольга.

– Откуда сведения?

– Я видел фотографию у нее дома, в той комнате, где мы сидели.

– А почему я ее не видела?

– Ты сидела к ней спиной, а я лицом. Она стояла на комод, такая... довольно большая, в рамке. Там обе сестры сняты вместе, и обе они – довольно симпатичные блондинки.

– Ну, блондинки так блондинки. Хорошо, что ты эту фотографию заметил. Антон, у меня к тебе будет просьба: как только нашего бедолагу освободят (я имею в виду Буйковского), организуй мне с ним, пожалуйста, встречу.

– Да не вопрос! У меня есть номера его телефонов. На какое время договариваться и где пройдет тайное рандеву?

– На любое время, а встретиться лучше всего на нейтральной территории. Я имею в виду кафе.

– Понял. Сделаю.

– Пока!

Я положила трубку и продолжила свое полезное в плане наведения чистоты и порядка занятие.

Ариша заявился домой, когда уборка была практически закончена. Я поставила ведро и швабру в кладовку и вымыла руки. Дед заглянул ко мне в ванную:

– Как твои дела, Полетт?

– Готовлюсь сообразить какой-нибудь обед. А где ты у меня пропадал со вчерашнего вечера?

– У своих приятелей. Мы всю ночь играли в покер, а под утро мсье Версальский предложил поехать в круглосуточный бар, тот, что на улице Сухово-Кобылина. Мы там куролесили до одиннадцати утра. Мсье Версальский «зажигал»...

– А ты, естественно, поддерживал пламя! Дедуль, а не пора ли тебе остепениться? Как-никак тебе уже семьдесят, а ты у меня все еще по барам «зажигаешь», костровой! И смотри: время уже обеденное! Скоро ты совсем переберешься жить к своему Версальскому...

– Полетт, не ворчи, тебе не идет.

– Буду ворчать! Почему ты не возвращался так долго?

– Понимаешь, на обратном пути из бара мы... как бы это сказать? Немного нарушили правила дорожного движения. Водитель Версальского проскочил на желтый свет, и нас тормознули гибэдэдэшники.

– И? – Я вытерла руки полотенцем и теперь стояла, упревая их в бока и вперила в Аришу свой строгий взгляд.

– Водилу хотели оштрафовать и даже грозили отобрать документы, а Версальский вышел из машины, поговорил с гибэдэдэшником, и нас отпустили безо всяких.

– Да? И какое же волшебное слово сказал твой приятель инспектору?

– Полетт, я слышал, как он назвал фамилию Кинделия.

Вот оно как! Значит, фамилия и впрямь волшебная, если открывает все ходы и выходы и избавляет от уплаты штрафа.

– Дед, пойдем обедать.

Мы сидели с Аришей на кухне. В микроволновке разогревались котлеты, которые Алина не сподобилась умять вчера. Я рассказала деду то, что удалось накопать на этого самого Кинделию и его сынулю. Ариша качал головой, слушая эту жуткую историю.

– Полетт, а может, ты не будешь связываться с этими самодурами? Что-то мне все это не нравится.

– Мне тоже не нравится, что такие уроды убивают девчонок и издеваются над простыми гражданами, отравляя им жизнь. И еще не нравится, что полиция бездействует. Как это понимать: «Нет оснований для заведения дела»?! А то, что человек терроризирует целую семью?! А то, что семнадцатилетняя девчонка ходит с синяками на лице? Во всяком случае, они могли вызвать его в участок, побеседовать, предупредить... Это же не просто хулиганство, это нане-

сение телесных повреждений, хотя и легких. До двух лет лишения свободы, минимум – год условно.

Ариша покачал головой:

– Скорее всего, в полиции тоже хорошо знают фамилию Кинделия.

Антон позвонил после обеда, когда мы с Аришей доели последние котлеты и пельмени и теперь не торопясь чаевничали, правда, без всяких добавок к чаю: Алина вчера съела всю пачку печенья. Я подняла трубку аппарата, который стоял в кухне:

– Алло?

– Поль, это Антон. Я договорился с Буйковским о встрече. Через час, кафе «Вирджиния». Знаешь, где это?

– А почему именно там?

– Потому что там есть отдельные маленькие кабинки. Гриня чего-то боится. Он сказал, что беседовать с кем бы то ни было будет только в этом кафе.

– Скажите, пожалуйста! Тоже мне конспиратор! Впрочем, мне все равно, в «Вирджинии» так в «Вирджинии». Ждите.

Я положила трубку.

– Ты сейчас уедешь? – спросил дедуля.

– Да, через час у меня встреча в кафе с Антоном и тем парнем, которого задержали по подозрению в убийстве, а теперь вот неожиданно отпустили.

– Тот самый поэт?

– Тот самый. Хотя... Странно все это, дедуль!

Я быстро убралась на кухне и пошла собираться на встречу.

Мы с Антоном сидели в кафе и ждали нашего поэта. Он опаздывал. Ярцев посматривал на часы. Мне все это не нравилось. Я вообще терпеть не могу необязательных людей, тем более что мы собирались помочь этому самому Грине оправдаться от обвинений в убийстве. В конце концов, кому из нас эта встреча нужна больше?

Буйковский появился с получасовым опозданием. Странно, но на этот раз одет он был не так крикливо и безвкусно, как на вечере встречи с почитателями своего неординарного таланта. Гриша подошел к нашему столику, поздоровался и вопросительно уставился на Ярцева. Тот сразу все понял и подозвал официанта. Вскоре нас проводили в отдельную маленькую комнатку. Здесь стоял стол с удобными диванчиками с двух сторон, в одном углу красовалось искусственное дерево, имитирующее фикус, в другом висела большая клетка с попугаем. Играла тихая музыка, впрочем, такая же, как и в общем зале. Буйковский тут же рухнул на диван, Антон сел рядом с ним, а я – напротив них. Ярцев откашлялся и представил нас друг другу.

– Полина, познакомься: это Гриша Буйковский. Гриша, это – Полина, юрист и мой друг.

Поэт привстал и поклонился мне. Потом сел на свое место и уставился на меня своими голубыми глазами. Я тоже, не стесняясь, рассматривала его. Вблизи он не казался таким смешным и нелепым, как на сцене. Правда, рыжие волосы его были так же всклокочены и торчали во все стороны, веснушчатое лицо казалось каким-то детским, а вообще он был похож на актера Александра Лойе, игравшего в фильме «Next» сына криминального авторитета. Но, по крайней мере, сейчас Гриня не кривлялся. Он даже выглядел каким-то напуганным.

– Почему ты опоздал? – спросил его Антон.

– Я проверял, нет ли за мной хвоста.

Мы с Ярцевым переглянулись.

– Хвоста? – переспросил Антон, наверное, не веря своим ушам.

– Да, – подтвердил поэт наши худшие опасения, – я плутал по улицам, время от времени оглядываясь и проверяя, не следует ли кто за мной.

Да кому ты нужен! Тоже мне – Штирлиц! – чуть не сказала я, но вовремя спохватилась. Надо выяснить, говорит ли Гриня это по глупости или поэту действительно что-то угрожает?

– А почему кто-то должен за тобой следовать? – спросила я.

– Потому что меня грозили убить.

Не иначе как за его дурацкие стихи, мелькнуло у меня. Достал кого-то своими виршами окончательно. «Вплетена из жалости ленточка в косе...»

– Уточни, – попросил Антон.

Гриня вздохнул:

– Мне дали понять, что уберут меня, если я не сознаюсь.

– Не признаешься в чем?

«Похоже, мы так и будем тянуть из него все клещами», – подумала я.

– В убийстве.

В это время к нам заглянул официант:

– Вы готовы сделать заказ?

Мы быстренько заказали ему легкие салаты, сок и кофе с пирожными, и молодой человек удалился.

– Вы видели, *как* он посмотрел на меня? – испуганно спросил Гриня.

– Как?

– Подозрительно. Может, это *их* человек...

– Слушай, Буйковский, кончай темнить. Давай рассказывай все по порядку.

– И лучше – правду! – добавила я.

Поэт вздохнул.

– Она вам не понравится.

– Кто?

– Правда.

– Слушай, Буйковский, пусть она нам не понравится, все равно рассказывай, кончай резину тянуть! – рявкнул Ярцев.

– Хорошо. – Гриня сделал трагическое лицо.

Артист! Трагик. Хотя иногда может играть и комедии, точнее, ломать.

– Так вот, правда в том, что я ее действительно убил.

Глава 4

В нашей каморке зависла тишина. Мы с Ярцевым переглянулись.

– Кого? – спросила я.

– Ту девушку. Незадолго до того вечера, когда меня арестовали, где-то дня за два я возвращался поздним вечером домой с... одной творческой вечеринки...

– Знаю я твои вечеринки! – съязвил Антон. – Травку небось курили, наркоши?

– Я?! – Возмущению поэта не было предела. – Тоша, ты что?!

– Не называй меня Тошей!

– Вы закончите наконец выяснять отношения? Гриша, рассказывай же, черт тебя побери! – рывкнула теперь уже я. – А ты, Ярцев, молчи!

Оба разом замолчали. В этот момент к нам зашел официант с подносом, поставил перед нами тарелки с салатами и пирожными, чашки с дымящимся кофе и удалился, пожелав приятного аппетита.

– Так вот, – начал наконец свой рассказ поэт, беря в руки вилку, – я ехал с дружеской вечеринки. Клянусь, я был абсолютно трезв... в тот день. Время было позднее, и улицы были пусты, как зимний пляж, лишь фонари горели и провожали меня своими тусклыми...

– Слушай, ты, лирическая душа! – не выдержал Ярцев. – Или рассказывай коротко самую суть, или я тебя...

– Хорошо, хорошо, – замахал на него рукой Гриня, – так вот, когда я проезжал под мостом – это развязка на улице Бардакова, – мне прямо на машину откуда-то сверху что-то упало. Да так сильно, что помяло весь капот. От удара этот предмет отбросило, а я от неожиданности резко крутанул руль вправо и чуть не врезался в опору моста. Я был так напуган! Вышел из машины, чтобы посмотреть, что это было. Я ведь не понял даже, что на капот мне упал человек...

– Ну, вышел ты из машины, и что? – поторопил поэта Ярцев.

– Подошел к тому, что лежало возле дороги. Я просто обомлел, когда понял, что это – человек. Разглядел – это оказалась девушка. Вся голова ее была в крови, тело лежало, как мешок, в странной неестественной позе... Я испугался, жутко испугался! Она – в крови, молчит, не шевелится... Я огляделся – вокруг ни души, ночь ведь уже была. Я решил, что девушке все равно уже не поможешь, а меня привлекут... Доказывай, что она сама бросилась на мою машину...

– И ты уехал, – сделала я заключение.

– А что мне еще оставалось? Да, уехал, когда понял, что она мертва.

– Сто пятая, – вздохнула я, – убийство, хоть и неумышленное. Лет на восемь можешь загреметь.

– За что?! – возмутился поэт. – Если бы она шла по дороге, а я ее не заметил бы... А так... Она прямо на капот упала, честно вам говорю! А на дороге вообще никого в тот момент не было!

– Ты скрылся с места происшествия.

– Но я был того... в состоянии шока...

– Все равно. В любом случае надо было вызвать полицию и «Скорую». Как тебя вычислили, следователь не сказал?

– Я наутро отогнал машину в мастерскую выправить капот...

– Идиот! – усмехнулся Ярцев.

– Все равно они бы меня нашли: следак сказал, что там, на развилке этой, есть камера...

– Кстати, как фамилия твоего следователя? – спросила я.

– Портянкин Ха Ха.

– В каком смысле «Ха Ха»?

– Его так зовут: Харитон Харитонович Портянкин.

– Точно, Портянкин, – кивнул Антон. – Это тот, к которому я обращался с вопросами и который шарахнулся от меня, как от прокаженного... Значит, он Харитон? А вот интересно, ласково, по-семейному, это как будет? Харя? Харюня? Харька?

– Антон, какая разница, как будет по-семейному?! – возмутилась я. – Давайте уже выясним наконец, что делать с Гриней!

– Следак – му... Извиняюсь, козел! – выдал поэт. – Я ему честно рассказал все как есть, а он, гад, не поверил, говорит, сбил ты ее – и дело с концом! И теперь сидеть тебе, Буйковский, лет десять. Нет, главное, за что?! Она сама мне прямо на капот упала, честно вам говорю!..

– Это мы уже слышали, – перебила я. – Ну, что тебе сказать, Гриня? Плохи твои дела.

– Это почему?

– Потому! Девушка, которая бросилась, по твоим словам, тебе на капот, была возлюбленной одного мерзавца, который издевался над ней.

– Зачем? – округлил глаза Буйковский.

– Хороший вопрос. Он по жизни самодур, тиран и деспот, и ему, похоже, доставляло удовольствие измываться над беззащитными девчонками.

– Извращенец, – сделал свое заключение Гриня, – только я при чем?

– А ты оказался не в том месте не в то время.

– И что же мне теперь делать? Я не хочу в тюрьму!

– Ты будешь удивлен, но туда никто не хочет. Однако при вынесении приговора это не учитывается.

Гриня смотрел на меня, жалостливо хлопая своими рыжими ресницами. На его побледневшем веснушчатом лице отразилась скорбь всего человечества.

– Уточни, пожалуйста, за что тебя обещали убить в полиции? – напомнил Ярцев.

– Я с самого начала сказал следаку, что в смерти девушки не виноват. Я ехал себе, никого не трогал... Она сама... прыгнула мне на капот или как-то еще... Одним словом, я сказал, что, наверное, она сама бросилась на мою машину. А следак сказал, что я – наглый вун и преступник! Что я должен написать признание, что сам сбил ее... Ну, я что, совсем дурак? Я стал ему доказывать, что я не виноват, а он... он сказал, что меня грохнут, если я не признаюсь.

– Круто. И ты?..

– Испугался. Но не признался. Написал так, как было на самом деле. А Портянкин сказал, что мне теперь надо ходить и оглядываться. Му... Ой, извините... Козел!

– Что не признался, это ты молодец, – похвалила я поэта, – зачем оговаривать себя? Каждый должен отвечать за свое. Кстати, тебе показывали заключение судмедэксперта?

– Показывали. Там было написано, что на теле пострадавшей – следы краски с моей машины.

– И все?

– Все.

– Послушай, Гриня, – сказал Ярцев, – у нас для тебе две новости: одна хорошая, вторая еще лучше. Во-первых, тебе показали липу. Я про заключение. Я сам, своими собственными глазами видел заключение судмедэксперта, где черным по белому было написано, что на теле погибшей – краска с двух машин, и твоя, зеленая, – поверх той, первой краски – золотистой цвета «Тициан»...

– Ни хрена себе!.. Ой, извините. – Гриня виновато посмотрел на меня. – А как же тогда то заключение, которое сунули мне в нос?

– Говорю же, оно – липовое. Ты девушку, конечно, сбил, но не ты, так сказать, был у нее первым. До тебя ее уже сбила одна машина, водителем которой раньше был ее парнем. Она его послала куда подальше, и он, садюга, терроризировал ее и ее семью, грозил убить, и все такое...

Одним словом, факты доказывают, что этот парень – его зовут Виссарион, запомни это имя! – сбил свою возлюбленную на своей машине.

– Нарочно?

– Нарочно или нечаянно – это другой вопрос, и этого мы не знаем. Скорее всего, он сделал это умышленно, а потом сбросил девушку с моста. Прямо тебе на капот.

– Вот это поворот событий! – Гриня едва не подпрыгнул на месте. – А что же тогда следователь мне дело шьет? Вот и арестовал бы тогда того первого на золотом «Тициане»...

– Не может. Папочка у этого первого – гибэдэдэшный пахан. Поэтому они постараются все свалить на тебя. Им крайний нужен, понятно? Как говорится, если виновного нет, то его назначают...

– Все, я пропал! – Поэт обхватил голову руками и заскулил. – Как же я теперь? Мамка узнает – не переживет! Она у меня больная, я ее кормлю...

– Хватит тут египетскую плакальщицу из себя изображать! – Антон слегка толкнул Гриню в бок. – Ты забыл про вторую хорошую новость.

– Ага, – кивнул Буйковский, как ребенок. – А какая вторая-то?

– А вот теперь сиди и слушай! Ты знаешь, кто перед тобой? – Ярцев подмигнул мне и выразительно посмотрел на Гриню.

– Как кто? Ты же сказал – Полина, юрист...

– А ты что-нибудь слышал про Мисс Робин Гуд? – не унимался Ярцев.

– Кто же про нее не слышал!

– Так вот, Буйковский, считай, что ты в рубашке родился: за твое дело берется сама Мисс Робин Гуд!

Поэт уставился на меня, буквально открыв рот.

– Антон, ну, зачем ты?.. – попеняла я другу. – При чем тут это? Просто, Гриня, мы с Антоном хотим восстановить справедливость. Оправдать невиновного, а виноватых, наоборот, привлечь к ответственности... Если полиция их сама привлекать не хочет...

– Или не считает нужным, – добавил Ярцев.

Гриня вдруг прямо-таки засветился от счастья.

– Если ты – Мисс Робин Гуд, то, я думаю, все будет в порядке! Во всяком случае, у меня теперь есть надежда...

– Ну, ты заранее-то не радуйся, – охладила я несколько пыл поэта.

– Как не радоваться?! Я... Я... Я так рад, что познакомился с тобой... Мисс Робин Гуд! Надо же! Я тебе стихи посвящу!

Гриня на несколько мгновений задумался, потом выпятил грудь, набрал в легкие побольше воздуха и затараторил скороговоркой-речевкой, помогая себе сжатыми кулаками. Он потрясал ими в воздухе, притоптывал под столом ногами и вещал:

Трубы трубят, трубы зовут
Дружно, все вместе.
Мисс Робин Гуд, Мисс Робин Гуд
Выходит на тропу мести!

– Ну, как тебе, Полина? – Гриня смотрел на меня во все глаза. Думал, наверное, что я сейчас расплачусь от умиления.

– Давай договоримся так, Гриша: ты не будешь писать обо мне никаких стихов.

– Но я только...

– Никаких. Это мое условие.

– Полина, я понимаю: скромность, она, конечно, украшает...

– Еще раз повторить?

– Не надо. Просто я хотел...

– Все, хватит об этом, давайте о деле. Я, кажется, действительно могу помочь тебе выпутаться из этой тухлой истории, если ты не будешь мешать нам с Антоном.

– Не буду! – честно пообещал Гриня, преданно глядя мне в глаза. – А как ты поможешь мне выпутаться?

– Там видно будет, – ответила я неопределенно.

– Видишь ли, Гриня, – вставил свое веское слово журналист, – Полина у нас – юрист, поэтому знает, как договориться с Его Величеством Законом.

Буйковский, скорее всего, ничего не понял, но на всякий случай радостно кивнул.

– А теперь – пора по домам. Надо приниматься за дело! – Я потянулась к сумочке за кошельком, но молодой человек остановил меня:

– Полина, а можно, я расплачусь? У меня есть деньги: недавно вышла моя книжка...

– Благодарю.

– Кстати, я могу подарить вам ее с автографом...

– Видишь ли, Гриня, – сказал Ярцев, обнимая парня за плечи, – это, конечно, большая честь – получить твою книжку да еще и с автографом, но Полина, к сожалению, не увлекается поэзией. Она у нас любит прозу...

– Да? Жаль...

Мы вышли из кафе и остановились на крыльце.

– Так, – сказал Ярцев зловещим шепотом, опасливо посмотрев по сторонам, – операция «Оправдать поэта» начинается! А посему соблюдаем конспирацию! Расходимся по одному, в разные стороны и, главное, быстро!.. Встречаемся в условленный день на явочной квартире. Пароль – тот же...

* * *

Я ехала домой на своем «Мини-Купере». Ну, вот, кое-что обрисовалось. Теперь я знаю примерную картину происшествия: скромная девушка Полина Зайцева, устав от самодурства и издевательств Виссариона Кинделия, широким жестом бросает его, а тот, оскорбившись в лучших чувствах незаслуженно покинутого мужчины, решает отомстить бывшей своей возлюбленной. Подкарауливает на машине, сбивает, потом бросает тело девушки (или еще живую Полину, возможно и такое!) с моста на дорожной развязке. Девушка случайно (а может, и не случайно) падает на капот нашего горе-поэта. Теперь Гриня – кандидат на роль убийцы, а мальчика Виссариона, скорее всего, никто не посмеет тронуть. Ну, еще бы! С таким-то папашей!

Все это мне очень знакомо. Четырнадцать лет назад, когда мои родители погибли по вине пьяного прокурора, он тогда тоже сумел выйти сухим из воды. Прокурор Синдяков не только не понес наказания, но и все свалил с больной головы на здоровую. Мой отец был признан виновным, а дед еще и выплатил Синдякову денежную компенсацию. Будучи девочкой-подростком, я не могла восстановить справедливость, мои показания тогда даже не вошли в дело...

И вот теперь – Гриша Буйковский – новая жертва полицейского произвола. И опять – липовое заключение, и пугают его так же, как пугали нас с дедом тогда, четырнадцать лет назад... Если мы с Ярцевым не вмешаемся, его просто сделают крайним. И писать тогда нашему доморощенному поэту свои дурацкие стишки лет восемь в местах не столь отдаленных...

Нет, этого мы не допустим. Поэт Гриня, прямо скажем, никакой, но не убийца же! Ну, пишет он для рэперов свои речевки-скороговорки, но зато при этом кормит больную маму. Хороший сын – это всегда похвально! За это даже можно простить ему его дрянные стишки.

Так что прямо с сегодняшнего дня начинаю следить за молодым человеком по имени Виссарион. Пара «жучков» у меня есть, могу даже поставить их ему при удобном случае.

Какой там адрес у нашего представителя «золотой» молодежи? Улица Автодорожников, дом номер девяносто девять? Хороший район, центр города. Значит, папашка прикупил сыночку квартиру в престижном месте! Неплохо бы поинтересоваться, откуда у него столько денег – квартира и машина для отпрыска стоят, вероятно, немало. А вот мы прямо сейчас туда и отправимся! Пора наконец познакомиться с главным героем (естественно, отрицательным) нашего невеселого романа. Я тут же развернулась и поехала на улицу Автодорожников.

Дом, в котором жил Виссарион, оказался новой десятиэтажкой. Чистенькая кирпичная кладка, благоустроенный двор с детской площадкой, аккуратными газонами, елочками и персональной стоянкой для машин. Я поставила свой «Мини-Купер» на гостевую стоянку, вышла из машины и осмотрела двор. А вот и «Хонда Цивик» цвета «Тициан» золотистый с номерным знаком А 444 ББ, который преспокойненько стоял в ряду других машин. Ничего себе техника! Красавица, что и говорить. Крыша ее была сделана из прозрачного пластика «под золото», диски на колесах были разрисованы белыми и шоколадного цвета полосами. Сколько же такая стоит? Кажется, около «лимона». Раз машина во дворе, то ее хозяин, скорее всего, дома. Интересно, в каком подъезде находится квартира двести десять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.